

Доктрина Радикального Примитивизма

Оглавление

Доктрина Радикального Примитивизма	4
Почему?	4
Доктрина	4
Мы говорим	5
Сегодня	6
Они	8
Обособленность	10
О двух типажах, связанных с примитивизмом: романтик и террорист	12
Антирост Алена де Бенуа	17
Философия Каарло Пентти Линколы	22
Ориентации 30	
О «radix» и «primitive»	30
Рассуждения о природе Радикального Примитивизма	32
Экономика Радикального Примитивизма	33
Критика символьной культуры	34
Атеизм Зерзана	35
Радикальный Примитивизм и защита животных	36
Проблема вегетарианства (веганства, фриганизма, меганизма и т.д.)	36
Эстетика примитивизма	40
Криптоанархизм	41
Приговор	43
А судьи кто?	44
Практические рекомендации	46
Критический список литературы	53

Доктрина Радикального Примитивизма

Почему?

Человек деградировал.

Проект научно-технического развития человечества провалился. Технологии управляют человеком, а не он ими; человек скорее био-социальный придаток в сетевой техно-информационной структуре, комплекс органов, обслуживающий виртуальную личность и поддерживающую её инфраструктуру. Погрязнув в потреблении, развлечениях и лишенных смысла движениях, человек отказался даже от мысли стать Человеком с большой буквы – это вызывает у него страх. Страх потерять новые игрушки, яркие обертки еды, пропустить сезон сериала и т.п. абсолютно низменные потребности.

Окружающая нас реальность, современность, - есть зло. В современном мире у человека отсутствует Воля, Вера, Дух. Все сакральное, трансцендентное похоронено под грудой услуг и технологий, либо иронично встроено в поверхностную игру.

Доктрина

Доктрина Радикального Примитивизма предлагает человечеству следующие простые принципы:

1. Традиция и традиционализм. Сакральное, проявленное во множестве традиций, во главе мировосприятия.
2. Депопуляция – умышленное снижение численности населения планеты. Сегодня на Земле 7млрд. человек, такая неестественная огромная популяция человека, вкуче с НТП, сама по себе рождает сомны проблем, которые мировое сообщество пытается безуспешно решить, не видя, что оно и есть причина своих проблем. Ничем не ограниченный рост населения толкает на интенсивное развитие технологий добычи пропитания и ресурсов, что, в случае десакрализации картины мира, открывает путь к бесконтрольному эксплуатированию планеты. Человек убивает сам себя. Из 7млрд. людей на земле должно остаться не более нескольких сотен миллионов.
3. Десекуляризация – закрытие идей атеизма, светскости, умаления роли божественного в жизни, ведущих к разложению человечества и

стимулирующих НТП и «общественное развитие». Божественное проявлено во всём.

4. Детехнологизация – широкое понятие, включающее в себя:

4.1) Десайентизация (англ. Science – Наука) – отказ от позитивистской (номиналистской) науки как от высшей инстанции познания мира и научности как критерия. Наука репрессивна, неконтролируема морально-нравственными регуляторами. Более того, наука претендует на место самой морали. Наука позиционирует себя как враг любой форме религиозности. Наука теснейше переплетена с НТП.

4.2) Деурбанизация – устранение современных городов. Город – травмирующая человека, неестественная бетонная конструкция-клетка человека, часть репрессивного аппарата современности.

4.3) Декультурация – устранение последствий влияния современной урбанистической, научной, светской культуры на сознание человека. Уничтожение артефактов современной цивилизации, включая предметы искусства, культуры, литературы.

4.4) Детехнологизация (буквальная) – отказ от технологических достижений научно-технического прогресса как от инструментов, насилующих сознание человека, подчиняющих и репрессирующих его на последующих стадиях использования и развития инструментов.

Мы говорим

Мир: Мир естественной Природы, биологическое разнообразие, человек и общество – часть Природы, но ни в коей мере не её царь. Потребление природных ресурсов не более необходимого, для проживания человека и/или общины.

Общество: Этноцентризм – ориентация на общину, сформированную по этническому признаку, без шовинизма и комплекса превосходства над другими. Принцип *Jedem das Seine*.

Религиозность, божественная иерархия общества, выстроенная согласно той или иной традиции, которой придерживаются члены общины. Божественное проявляется в разных формах и языках (традициях), дается тому или иному народу по-разному, но ведет к одному Абсолюту.

Уровень технологического развития соответствует общинному этапу развития.

(Верхней границей можно считать уровень развития Руси IX-XI веков, распространенный на всю планету.)

Человек: Часть общины, рода. Отказ от индивидуализма, эгоцентризма. Религиозен, развит физически и обладает должными навыками, для участия в жизни общины.

Выше обозначены примерные общие тезисы, в частных случаях обустройство социальной иерархии и ценности проистекают из той или иной, присущей этносу, традиции.

Проводниками идей и проектов, отказ от которых обозначен в пунктах 1-4.4, является парадигма Модерна, идеи либерализма, глобализма по западному образцу (American Dream), не приемлющих существования отдельных людей, групп, общин, мыслящих иначе и тем более примитивистского анти-консюмеристского толка. Они обязательно будут подвергаться насилию, вытеснению, устранению.

Радикал-примитивизм отмечает «Свободу от», безбожие и страх перед иерархией, анархизма, национальный шовинизм правых, гуманизм и права человека либералов. Наш выбор – Традиция, Иерархия, Свобода. «Свобода для», Свобода через Волю, Ответственность, отказ от индивидуализма в пользу родо-общинного коллективизма. За Отцов и Богов.

Иными словами, существование 7млрд. людей, НТП, умаление божественного, обусловленный этим путь развития культуры, являются неприемлемыми. Человек выкопал себе могилу, лег в неё, пришло время его закопать и забыть о нем.

Символика Радикального Примитивизма: Черный означает Смерть Модерну, современной прогрессистской техно-цивилизации, зеленый – Уважение к Природе и её сохранение. Желтая Звезда означает Традиционализм, анти-атеизм, приоритет Сакрального.

Сегодня

Осматриваясь сегодня вокруг, мы отдаем себе отчет в абсолютной невозможности воплощения ни одного примитивистского проекта в реальность, включая доктрину радикал-примитивизма. Не стоит питать иллюзий о возможности поворота русла истории, вектора развития человечества в иную сторону, изменения сознания человека и реализации

некоей утопии анархо-примитивизма, опрощения Толстого, победы анархо-традиционалистов. Нет, мы живем в то время, когда возможности реализовать примитивизм *нет*.

Сегодня примитивист – это человек без Родины. У нас есть страна, у нас есть земля и род, в котором мы родились, но нет того Времени, того Духа и Общества, к которому мы принадлежим. Мы испытываем ностальгию – боль-тоску по тому времени, которого мы *никогда не знали*, это качественно отличает нас от романтиков и утопистов слева и справа.

Сегодня наша задача – это стать обособленным человеком, не зависящим от окружающей нас реальности. Нам необходимо преодолеть в первую очередь *в себе* все то, что составляет и формирует гнетущую современность. Большая часть критики иных примитивистов состоит в том, что они наличествуют в интернете, живут в городах, когда «по логике», должны жить в глуши. Некоторые так и поступают, «исчезая из мира», если говорить языком обывателя. Мы – не они. Мы должны быть независимыми от используемой нами техники, акцентировать внимание на традиции, общению с Природой, освоению необходимых навыков для жизни в состоянии отсутствия современных технологий. Это формирует иной тип мышления и сознание, отличные от окружающего нас мира.

Сегодня наш путь скорее индивидуален, ибо объединение возможно только на основе дружбы, частично – семейно-родовое, но чаще – виртуальное. И, тем не менее, вынужденный индивидуализм – не фатум, а инструмент концентрации на преодолении современности *в себе*.

Современность – она в первую очередь в голове, и примитивизм в первую очередь должен появиться там, иначе любая образовавшаяся община будет обреченным на скорую гибель симулякром.

В довершение, приведем слова великого мыслителя Юлиуса Эволы:

«"Аполитея", отстраненность, не обязательно означает отказ от деятельности в чистом виде. Мы уже говорили об аскетизме, суть которого заключается в стремлении осуществить определенную задачу из любви к действию как таковому, в духе совершенства, без личной заинтересованности. <...> Аполитея не налагает никаких ограничений во внешнем плане и не влечет за собой обязательно практическое неучастие. Человек действительно отстраненный не является ни профессиональным аутсайдером и полемистом, ни отказником по этическим соображением, ни анархистом. Сделав вывод, что жизнь с ее переплетениями, не затрагивает его внутреннюю сущность, он может доказать свои качества солдата, выполняющего свою задачу, не требуя оправдания и теологического обоснования справедливости своего дела. <...> Аполитея это неустранимая

внутренняя дистанция по отношению к современному обществу и его "ценностям", это отказ иметь с ним какие бы то ни было духовные или моральные связи. При такой установке деятельность, которая у других предполагает, наоборот, существование таких связей, может осуществляться в ином духе».

Они

Существует ряд примитивистских и около-примитивистских концепций и доктрин, как широко (но не глубоко) проработанных, так и существующих сугубо симулятивно, виртуально. Есть два основных направления развития примитивистской идеи, правая и левая. Между правыми и левыми находится третья идея, которая, так или иначе, политизируется первыми двумя, - это строго экологическая идея, *ecoline*.

Левый примитивизм наиболее известен как анархо-примитивизм, суть которого сводится к тому, что переход к технологизации общества позднее привел к расслоению, принуждению и отчуждению. Точкой отсчета падения анархо-примитивисты считают переход от охоты и собирательства к сельскому хозяйству. Освобождение от технологического гнета лежит в возврате к общинному строю, этапу дикости по Энгельсу в синтезе с анархическими концепциями свободы, основанной на высокой индивидуальной этике.

Правый примитивизм строится на призыве к возврату к общинам, построенным по национальному либо этническому признаку, с ярко выраженной дихотомией «свой-чужой», с опорой на национально-этнические традиции и культуру. Существуют концепции русского анархизма, право-левого анархизма «White Pride – Left Side», среди прочих стоит отметить анархо-традиционализм, опирающийся на философию традиционализма Рене Генона, ставящего во главу угла Традицию, сакральное Изначальное, Золотой Век, в синтезе с доктриной анархизма.

Отдельно необходимо упомянуть концепцию возврата к варварству, или позднее – трайбализм, чеченского традиционалиста Хож-Ахмед Нухаева, настаивавшего на возврате к варварскому, общинному образу жизни на основе религии, в частности – ислама. Нухаев утверждает, что в Коране даны описания устройства общества, основанного на божественной воле и сакральной иерархии, которое было размыто и разрушено в ходе модернизации.

Третья идея – экологическая, зачастую существует в синтезе с левой или правой, и утверждает приоритет сохранения экологии, объявляет природу высшей ценностью. В левом варианте это движения крайних веганов, экологистов, которые порой доходят до квази-научного обоснования необходимости полной де-гуманизации планеты, во благо живых существ и природы. Более мягкие констатируют перенаселенность планеты, которая, на фоне разницы в уровне жизни в разных её частях (проблема Север-Юг), является конфликтогенной и эколого-опасной. В правом варианте мы видим схожую картину, но с опорой на реконструкцию языческих, политеистических культов, культа Природы-Матери, акцентом на белой расе или, уже, на той или иной национальности или группе этносов (славяне, скандинаво-германцы и т.д.).

Так же одной из важных эко-инициатив является защита прав животных в широком спектре: от веганства и простеста протеста против ношения шерсти, до атак на лаборатории косметики и бытовой химии, где проводится тестирование на животных. Причем, в альтернативу настоящему меху и мясу, зачастую приводят современные возможности науки, искусственный мех и ГМО-еду.

Отдельно стоит упомянуть о сторонниках либерально-демократической идеологии, разделяющих экологическую линию критики прогресса, ратующих либо за сохранение и постепенное опускания уровня технологического развития на определенный уровень, выражающий на их взгляд идеальное соотношение сохранения экологии и уровня жизни человека, при сохранении социально-политических институтов. Очень близко к оным примыкают футуристы, с концепциями построения общинного общества с помощью новейших технологий, что, по определению, с примитивизмом уже не имеет ничего общего.

Все указанные выше идеологии сходятся в ряде принципов, как то: отказ от технологии как губительного фактора в человеческой истории, опора на общинный или около-общинный образ жизни, акцент на вопросе о населенности планеты.

Но все эти концепции противоречивы, неполны либо откровенно утопичны, а зачастую являются плодом романтической фантазии автора.

Радикальный Примитивизм не консолидируется с либералами, либертарианцами, левками-анархистами, автономами, анархо-капиталистами, анархо-синдикалистами и иными представителями западного анархизма, а так же с наци-анархистами, утверждающими приоритет наци-общин. Крайне правые и левые эко-примитивисты и эко-инициативы в духе веганизма политически (а порой и идиотически)

ангажированы и, порой, являются почвой для евгенического и биологического человеконенавистничества, что суть – модерн.

Из всего политического спектра радикал-примитивизм может опереться и поддержать идею неоевразийства русской школы. Евразийство не отрицает модернизации, технологий, не провозглашает строгого возврат в т.н. «архаику», но имеет пересечения с примитивизмом в точках неприятия секуляризации, диктата либерализма и западной гегемонии. В евразийском проекте у примитивизма есть пространство для существования, не опасаясь репрессий и диктата обязательного включения в современность, глобальной унификации. Но это – мирная, рискованная перспектива.

Так же интересны сообщества так называемых сурвайвалистов, от англ. *Survive* – Выживать, современное течение людей, верящих в глобальные катаклизмы, которые отбросят человека в уровне развития далеко назад.

Обособленность

Создать традиционное государство сегодня невозможно. Как невозможно повернуть колесо истории обратно в Золотой Век (Гесиод), не пройдя долгие Бронзовый и Железный.

Пребывая в эпоху Последних Времени (Рагнарек, Кали-Юга, Железный Век) можно быть уверенным в невозможности создания полноценного, суверенного и автономного традиционного государства, с населяющими его достойными людьми. Те, кто живет этой идеей, по опыту знают, что непросто создать даже круг единомышленников, *Своих*. Прекрасные языческие империи, царства Духа и Чести – остались в былом. Сегодня все государства плоть от плоти и кровь от крови ублюдочны и дегенеративны, устроены людьми низших сословий, пытающихся подрожать сакральной иерархии.

На этот счет барон Эвола писал: «Скажем более, в некоторых случаях мы готовы признать главенство личности даже над государством, поскольку «государственность» наших современников не имеет ничего общего с традиционной политической концепцией государства, а современное безликое государство, эта тяжеловесная бюрократическо-правовая сущность – «холодное чудовище», по выражению Ницше, – также является отклонением. Любое общество, любое государство складывается из людей, и именно отдельные люди составляют его первичный элемент.

Но какие люди? Это не люди, изображаемые индивидуализмом как атомы или скопление атомов, но люди как личности, как рознящиеся между собой существа, каждому из которых подобает свое особое положение, своя свобода, свое право в иерархиях созидания, производства, повиновения и повелевания. Только такие люди поднимаются в истинном государстве – антилиберальном, антидемократическом, органичном. Предпосылка подобной государственной идеи – первичность личности по сравнению с любой отвлеченной общественной, политической или правовой сущностью, при том обязательном условии, что речь идет не о пассивной, посредственной личности, составляющей всего лишь число в мире количества и всеобщего избирательного права».

«Люди и руины».

В этих условиях ультра-правые-традиционалисты (гораздо более правые, чем марионетки-субкультурщики-националисты) закономерно и логично трансформируют своё бытие в иные режимы, которые на обывательском уровне давно считаются «левыми».

Здесь стоит заметить, что сегодня ориентации «левый» и «правый» уже потеряли свои четкие границы и определения, взаимно перетекая одно в другое.

Речь идет об обособленном существовании семьи, сообщества, общины либо сети единомышленников. Этот принцип организации имеет много общего с анархизмом, и практика анархизма может оказать большое подспорье в становлении и развитии своего сообщества и его отношений с окружающим миром. Барон Юлиус Эвола в позднем своем творчестве ввел чисто технический термин «правый анархизм», который сегодня, к сожалению, маргинализирован идеями модернистского национализма.

Есть *Свои* – в формате семьи, сообщества, общины или сети, не столь важно – круг честных и достойных людей, друзей, с взаимопомощью, выручкой и всем, что полагается Своим.

Есть *Чужие* – это весь профанированный современный мир. Его стоит рассматривать как пустыню, от которой можно брать все, на что посягнешь и что сможешь взять для себя и Своих.

Ты им ничего не должен. Они тоже не питают к тебе никаких теплых чувств. Конформизм с государством и обществом может быть в тех рамках, которые выгодны тебе и Своим. В любой момент рамки могут быть разрушены, если они станут оковами тебе и Своим.

Бери из профанной пустыни государств все возможное, для удовлетворения, укрепления и жизни себя и Своих.

Даже если государство говорит и действует как Свои – оно только подражает тебе и Своим, чтобы остудить Ваш Огонь.

Кем бы ты ни был в государстве и обществе, какое бы место, кресло, нишу не занимал – если ты из Своих, то бери от системы все для себя и Своих. Любое кресло министра в пустыне профанного сделано из песка, помни.

Это – нормальная реакция обособленного традиционалиста или общины на современный дегенеративный мир иллюзий.

О двух типажах, связанных с примитивизмом: романтик и террорист

Романтик: Кристофер Маккэндлесс (Christopher Johnson McCandless)

Кристофер – это пример человека, чувства и мысли которого знакомы всем или почти всем сочувствующим. Это паренёк из весьма обеспеченной семьи, проживавшей в комфортном Вашингтоне, имеющей на счетах миллионы или около того и проповедующих идеологию класса, который битники называли WASP (белые англо-саксонские протестанты). Однако, Крис с детства увлекался правильными книгами: читал Толстого, что вообще удивительно для американца, любил Лондона и Торо – в общем, авторов, которые таки или иначе проповедовали идеал отшельничества, пусть и не соответствовавшие заявленным высоким идеалам. После того, как Крис выполнил «отцову волю» и закончил колледж, что очень непросто из-за высокой стоимости обучения, он сбежал из дому, путешествуя автостопом по стране. Вместе с этим стоит отметить, что его бунтарский характер чётко закреплён в американской индивидуалистической парадигме. Это бунт людей, вроде Керуака, он не имеет реальной метафизической подкладки (хотя может пытаться казаться таким, достаточно вспомнить идеи «бхикку с рюкзаками», «гуру-кислотников», «хиппи-киников» и так далее). Можно сказать, что это нигилизм и бунт ради бунта, но, пожалуй, это даже слишком громко. Это именно романтика, когда присутствует только внешнее. Продолжая дальше, его биография пополнялась опытом бытия среди разного рода маргинальных слоев американской действительности, перемежаясь отрывками жизни на природе, вдали от людей. Стоит отметить, что, несмотря на его национальность, к деньгам он, похоже, выработал безразличное отношение. Он грезил об уединённой жизни в северной глуши, вдалеке от цивилизации, и вся его двухлетняя одиссея – это своего

рода подготовка к кульминационной точке, в которой должен быть выход в сверхреальное. Почти во всех мировых традициях отшельник уединяется с целью посвятить себя Абсолюту, Крис же нашёл Абсолют в Природе Севера. Что касается его дальнейшей судьбы, то будучи дитём города и самоуверенным в плохом смысле слова, он достаточно легко экипировался даже для достаточно примитивного способа жизни, в результате чего погиб от того, что съел ядовитые растения.

Стоит ли видеть в данном явлении профанацию мистического ореола отшельничества и постмодернистскую (капиталистически-индивидуалистическую) реализацию примитивизма как образа жизни? Да и нет. Говоря о первом – человек может заявлять о себе как сущности лишь путём приобщения к Абсолюту. Только через возможность трансценденции возможно просветление подлинного бытия. Когда в основу ставится эстетическая составляющая, то получается видимость, укладывающаяся в приземлённую логику нормализованной социальной единицы (оттуда и типаж: романтик, как интегрированный в парадигму, но находящийся на периферии). Например, Кьеркегор чётко разделяет два типажа: этик и эстетик включены в оковы долга по отношению к этому миру, тогда как мистик эгоистически игнорирует эту включённость в мир и ищет прямой трансценденции. Желание уйти из общества – это верхушка айсберга, а не точка отсчёта, как у романтика. Уход в леса лишь завершает долгую морально-волевою эволюцию внутри человека, этот акт продиктован пониманием, что мирское неустанно тянет вниз, тогда как человеческое стремление к Абсолюту более полно реализуется вдалеке и наедине. Природа имеет сакральный статус и для романтика, и для мистика, но первый понимает её «сакральность» в модусе повседневности. В обоих случаях присутствует состояние «здесь не так, как там», но оно служит разным целям: одному для ощущения мнимой духовности, которая зиждется на отрицании привычных романтику культурных образцов и социальной среды, и которая заканчивается, когда приходится реально выживать в дикой природе, а второму для изменения своего онтологического состояния.

Но есть ли положительные моменты? Говоря об эстетической составляющей важно понимать, что именно она привлекает внимание и вернее формирует последователей. Известный факт: бунтарям-романтикам готовы подражать многие, тогда как монахам-аскетам – единицы. Трагическая смерть Криса, пусть и нелепая, вызвала широкий отклик и резонанс, заставив как минимум задаться вопросом о том, куда ведёт общество сверхпотребления и что происходит при этом с людьми. Как уже

было отмечено выше, это происходит из-за того, что такой типаж пусть и вызывает нестандартную реакцию, но при этом вполне вписывается в парадигму. Важно здесь отметить принципиальный философский момент, удачно описывавшийся у Камю. Когда личность совершает бунт, она совершает его против абсолютов (которые выражаются в отрицаемой социальной действительности), таким образом, она утверждает своё право на абсолютизацию своей экзистенции. Отныне абсолют субъективен, а я, как личность, являюсь его носителем. Эта схема принципиально отличается от мистика, у которого Абсолют объективен и трансцендентен. Но именно эта схема позволяет отчасти понятным образом воплощать идеи примитивизма. В современном обществе консьюмеризма личность рассматривается в роли запрограммированного винтика, у которого только одна функция: поглощать знаки, затрачивая при этом реальный физический труд. Здесь не место говорить о виртуализации современной экономики, но сам факт подрыва шаблонов всплывающими примитивистскими идеями может быть ценен, в этом и есть положительный момент. Дискурс внутри общества потребления, его же отрицающий. Конечно, это не имеет отношения к «традиционалистскому» (в смысле философии традиционализма) примитивизму, которого придерживается автор статьи. Но нельзя не признать, что популяризация примитивизма через единичные или массовые случаи бунтарства порождает циркуляцию этих идей в социальном пространстве. Можно назвать это эстетическим примитивизмом или использовать термин анархо-примитивизм (биоцентристский, атеистический подход Зерзана). Важен тот факт, что благодаря этой циркуляции возможно поддержание реальной возможности вырваться из пластмассового рая, который при наличии такого дискурса не может рассматриваться уже всеми как рай, что может запустить механизм его перехода в другую стадию или уничтожения. Только при наличии хотя бы потенциальной возможности подобного исхода (понимание актуальности фразы «ад – это другие») возможно возвращение и приобщение человека к Истине и, как сказал бы Хайдеггер, возможно проявление «пути к свету аутентичного бытия». И романтики, как мосты к достижению этой цели – необходимый конструкт, но не последний.

Террорист: Теодор Качинский (Theodore John Kaczynski)

О Качинском можно и нужно, наверное, говорить много, благо фигура единственная и неповторимая в своём роде. Как-то, даже неловко говорить здесь о каком-то типаже. Во-первых, Качинский с университета отличался гениальностью, защитив диссертацию по абстрактной математике, причём

можно сразу обратить внимание, что ум свой он применял в области, которая слабо связана с реальной жизнью (хотя позже он показал себя вполне годным инженером-практиком, когда собирал взрывные устройства из материалов, которые можно найти на улице). Во-вторых, Качинский совершал теракты, руководствуясь некой теорией, которую он изложил в работе, известной как «манифест Унабомбера». Пожалуй, для философской оценки этой работы потребуется отдельная статья, здесь же хотелось бы обсудить допустимость подобных практических действий в рамках примитивизма.

Прежде всего, стоит оговориться: речь идёт о реальных человеческих жертвах. Это не то, что называется экотаж (экологический саботаж), идейным проповедником которого в США являлся Эдвард Эбби (Edward Abbey). Но и не то, что подразумевается под словом терроризм в обывательском понимании, когда речь идёт о сотнях жертв, а за этим замешаны какие-то организации и геополитика. Это то, что в данной статье будет называться действием. Причём действием одиночки. В его активе всего трое погибших и с десятков покалеченных за двадцать лет, причём не очень серьёзно. Согласитесь, на фоне ежедневной статистики цифры маленькие. Однако именно за ним долго и безуспешно охотилось ФБР, пока его не сдал его собственный брат. В чём же дело? Дело в том, что для ФБР, привыкших раскладывать любого преступника через бихевиористские паттерны, он действовал абсолютно иррационально, но при этом настойчиво и с характерным почерком. Мотивы его были долго непонятны, до тех пор, пока он не попросил опубликовать свой манифест. В итоге выяснилось, что адресатов смертельных посылок объединяла деятельность, связанная с технологиями. И бомбы – это предупреждение другим людям. Каждый взрыв показывал одну и ту же ситуацию: он против технологий, он против политических активистов, якобы действующих в интересах защиты окружающей среды, он против наступающей «механизации душ», он тот, кто Ушёл в Лес, пользуясь терминологией Юнгера.

Итак, не получается сделать из Качинского демоническую фигуру террориста. Безусловно, априори он людей не любил, особенно психологов. Да и его более чем 20-летнее отшельничество свидетельствует о том, что среди лесов ему было спокойнее. Он не был одержим жадной убиийств, я бы даже рискнул предположить, что ему было глубоко небезразлично то, на какой планете и в каком обществе будут жить следующие поколения. Его действие – это глас вопиющего в пустыне. За его действием угадывается метафизический просвет, удар в сердцевину,

средоточие общества сверхпотребления с его фанатичной верой в научно-технический прогресс. Он отвергал цивилизацию вообще. Под цивилизацией им в первую очередь подразумевалось устойчивое социокультурное пространство, которое благодаря уничтожению природы и эксплуатации людей создаёт поведенческие стереотипы, разрушающие уникальную человеческую духовность. Очевидно, что технология, как продукт цивилизации лишь закрепляет её доминирование, путём всеобщей унификации прежде всего сознания технология разрушает метафизическую связь между человеком и природой. Но любой вам скажет, что это делается человеку во благо, любимый аргумент недалёких людей: «ну мы же в 21 веке живём, как можно говорить, что...». Подобная массовая стратегия защиты привычного и комфортного образа жизни лишь обнажает зияние, которое свидетельствует об утрате чего-то важного и неотъемлемого, недаром психиатры сегодня бьют рекорды по количеству пациентов, депрессия становится второй по распространённости болезнью, а жалобы в городах часто апеллируют к скуке и тоске. Природа для современного Качинского человека по большей части превратилась либо в продукт переработки и потребления (лес, природные ресурсы, вода), либо в органический продукт городского пространства (парки, клумбы).

Разобравшись с вектором действия Качинского, остаётся лишь сказать, приемлемы ли его методы и последствия? Ведь понятно, что любые подобные действия не имеют пользы, так как совершаются социально деклассированными одиночками, которые ставят себя заранее в антагонистическое отношение к толпе. К тому же, из жертв толпа делает мучеников, таким образом, обвиняя Качинского, а заодно оправдывая себя и своё нежелание думать над подобными вопросами, следовать зову души, а не телевизора. Но, в вопросах действия нельзя ориентироваться на толпу, она всегда гомеостатически сводится к повседневному среднему уровню. Более того, примитивист всегда должен знать, что какими бы благими побуждениями он не руководствовался, любое действие, посягающее на амёбную успокоенность толпы, будет восприниматься как нарушение привычного состояния, потому немудрено, что Качинскому дали аж четыре пожизненных срока (очевидно, что абсурдность приговора связана не с количеством жертв, а исключительно с эффектом, произведённым его идеями и подобной позицией). Но это не должно пугать того, кто решился на действие. Ответственность за действие должна быть соизмерима с той силой, которую это действие несёт. Если это касается твоего коренного онтологического устройства, то и отвечать ты должен единственным, что у тебя есть по настоящему – жизнью. Действия, связанные с духом

напрямую, всегда были вне каких-то единичных потерь. Замученные христиане, убитые на войнах – им никто не ведёт счёта, они представляют собой метафизический негативный довесок, компенсирующий разницу между настоящим и желаемым. И если смерть нескольких людей нужна была для того, чтобы хотя бы попытаться пробудить остальных, то такое действие с точки зрения примитивиста полностью оправдано. Любое действие должно соотносываться напрямую с высшими целями. Качинский понимал, что любой протест в рамках текущей политической системы нивелирован до уровня «издержек производства», зелёные давно дискредитировали себя. Поэтому он избрал путь отшельника-одиночки, однако который сумел повлиять на сознание других потенциальных одиночек. Именно такое действие имеет значение, оно несёт в себе дух, а иначе можно подписывать смертный приговор истине и приглашать войти отсутствие (именно его, а не Пустоту). Надо помнить, что пластмасса горит и разрушается, нужно лишь её поджечь.

Антирост Алена де Бенуа

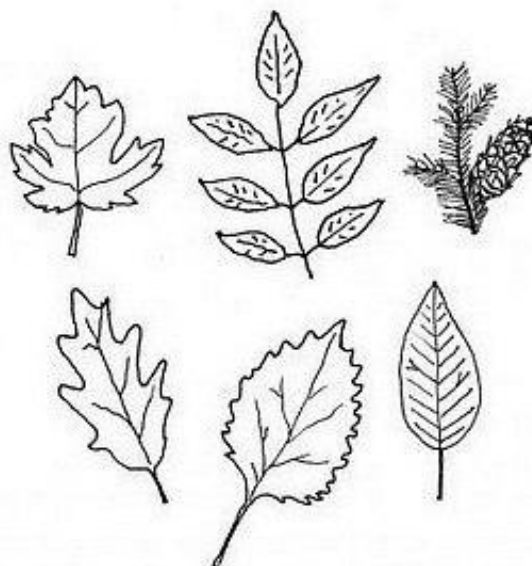
Читая «эколого-философский трактат» невольно ловишь себя на ощущении, будто это написал вроде бы и ты, только при этом будучи по ту сторону баррикад. Взгляд Бенуа характеризует взгляд западноевропейской (и это важно) интеллигенции относительно фундаментальной проблемы капитализма: необходимость поддерживать и ускорять темпы роста. В своём трактате, представляющем собой целый вихрь перекрёстных ссылок и мнений, количество которых могло бы удивить даже Деррида, можно всё-таки проследить две магистральные линии, которые важны в контексте экономическом, мировоззренческом и философском. Но для начала несколько слов о самой концепции. Взгляд Бенуа развёртывается в лозунге «вперёд к прекращению роста». Скрытая диалектика видна уже из названия: движение вперёд символизирует движение прогресса, тогда как остро ощущается потребность ориентации как раз назад. Анализируя биологические, экономические и нравственные показатели, Бенуа приходит к выводу, что поддаваясь идее о «бесконечном росте внутри конечного пространства» мы идём к своему биологическому и этическому самоуничтожению. Поэтому нам нужно одуматься и возвратиться к практике довольствования малым, ну или хотя бы добиться ситуации, при которой потребление природных ресурсов не превышает реальную потребность. Касательно этой реальной потребности и разворачивается

известная дискуссия: где границы этой «естественной нормы»? На ум приходят типажи отшельников, питающихся корешками, амишей, принципиально отказывающихся от новых технологий, да хотя бы средневекового крестьянина, у которого было три одежды: в одной он ходил, другую на праздник в церковь одевал и в третьей помирал. Логика развития капитализма неминуемо вела к обществу сверхпотребления. Проблема началась годами в 50-ых, когда люди внезапно смогли обеспечить себе все базовые потребности, именно тогда и появился тренд про «дом, жена, 2 машины, ребёнок в университете» - то есть идеал успешной семьи, которая уже явно не озабочена проблемами выживания, а требует постановки иных целей для реализации получаемых семьёй денег. И это явление стало массовым, именно оно и породило средний класс, который так хотел Аристотель. Однако, капитализм требует роста, экспансии, новых рынков. И был найден гениальный выход: запуск рынка виртуального, а в качестве пророков выступили маркетологи и пиарщики. За какие-то годы людей убедили в том, что нужно покупать вещи определённых марок, определённых фирм, и с течением времени потребность в символах стала в развитых странах наравне с самыми базовыми.

назовите бренды

назовите растения

Однако, несмотря на то, что потребность в символах является чисто виртуальной, любой гаджет является всё-таки объектом материальным, на который затрачивается большое количество ресурсов и труда на разных стадиях. И верно замечает Бенуа, что современные экономисты ловко повернули вектор вопроса в сторону виртуализации экономики, а значит, что вопрос о ресурсах стал не экономическим. Такое чувство, что никто не

верит в то, что они когда-нибудь закончатся, как наркоман не верит, что есть что-то лучше наркотика. Более того, такой поворот в сторону символизации и виртуализации потребностей не мог не сказаться на ценностях такого общества. Главной ценностью выступает теперь желание, которое нужно удовлетворять, потребляя желаемое. Традиционное «довольствуйся малым» объявляется архаизмом, авторитаризмом и, внимание, - ущемлением прав. Человек превратился в лакановского субъекта вожделеющего. Характерно отношение к этому граждан США: вы можете критиковать всё что угодно, но только не их образ жизни. Таким образом, видно, что теория антироста сталкивается с огромным числом трудностей и что возможность претворить её в жизнь сильно ограничена, если не сказать – утопична.

Теперь необходимо упомянуть две важные проблемы, с которыми прекращение роста может столкнуться, о которых упоминает Бенуа. Первая – это проблема безработицы и глобальной экономики. Если допустить, что найдётся потенциальная политическая сила, которая сможет следовать этим славным заветам и действительно проповедовать политику снижения экономического роста и потребления, то она будет немедленно свергнута либо собственными людьми, либо в результате интервенции. Снижая количество производимых товаров, неизбежно снижается количество рабочих мест. Растёт уровень безработицы и социальной напряжённости. Начинается грабёж магазинов и общее озверение народа. К тому же, любая страна, будучи включённой в мировые торговые отношения собственноручно загоняет себя в соответствующую категорию (развивающаяся страна или третий мир), следствием чего служит необходимость увеличения производства и добычи ресурсов. Если же снижать темпы роста, то это приведёт к снижению экспорта и дефициту бюджета, что не позволит потреблять соответственно те блага, которые страна у себя не производит (например, тропические фрукты в странах северной Европы) и потреблять блага тем странам, которые напрямую зависят от экспорта. Подобная картина очень характерна для последних арабских войн, вызванных США, которые очень сильно зависят от потребления нефти (в том числе из-за «монополизации» своей валюты: нефтедоллара). Таким образом, возникает патовая ситуация. Что интересно, Бенуа видит выход из этой проблемы в решении проблемы второй. А вторая проблема заключается в изменении сознания человека и обществе сверхпотребления. Бенуа наивно пишет, что людей из эгоистов нужно переделать в альтруистов. Но Бенуа забывает, что стремление к роскоши и улучшению своего благосостояния было во времена

цивилизаций всегда (автор этой статьи склонен придерживаться культурологической теории Шпенглера, но при желании множественный род можно заменить на единственный или просто синоним). Просто раньше достижение какого-то реального уровня было невозможно из-за господства определённых производственных отношений: рабства, феодализма и т.д. Но теперь уровень, на котором базовые потребности удовлетворены, является доминирующим, хотя вследствие запуска механизма сверхпотребления растёт дифференциация в доходах между самыми богатыми и самыми бедными. Поэтому не очень-то понятно, через какие механизмы Бенуа предлагает запустить процесс «обновления» человека со стремлением к снижению потребления. Раньше в жизни людей большое значение имело духовное. Люди верили в Бога (в данной статье не место касаться религиозных убеждений Бенуа, который считает современные идеалы следствием христианского отношения к природе и времени), а значит, они не ограничивались материальным «здесь, сейчас и побольше». С исчезновением категории духа исчезла и вера в естественный порядок, добродетели, данные свыше и так далее. Появился вопрос: «а почему я должен довольствоваться малым?». Бенуа упускает момент имманентизации религии: в данный момент на западе преобладает концепция слабой теологии, когда человек выступает в роли покупателя, перед которым на прилавке разложены красивые обёртки с разными надписями: буддизм, православие, язычество, пастафарианство и так далее. Современные масс-медиа заполняют образовавшийся духовный вакуум информационным шумом, в результате чего человек оказывается запрограммированным на абсолютно позитивное восприятие текущей парадигмы (наиболее полно это описали Делёз и Бодрийяр в книгах «Логика смысла» и «Прозрачность зла»). Учитывая это, абсолютно неясно как же культивировать альтруизм и кто бы мог ввести подобный дискурс хотя бы в передние ряды социального пространства.

Подводя итоги, хотелось бы высказать идею, которая приведёт к реализации программы антироста Алена де Бенуа. Это концепция экофашизма Каарло Пентти Линкола, предусматривающая радикальное снижения количества населения. В этом видится решение как проблем экономических, так проблем и этических. Современное состояние общества ясно показывает, что таких как Бенуа в общем шуме никто не слышит, да и сам Бенуа отчасти выступает как теоретик и утопист, потому и создаётся впечатление, что он на самом деле по ту сторону баррикад и органично встроен в движение капитализма (учитывая, что Бенуа против решительных мер, описанных выше), хотя и призывает нас перейти «по ту

сторону экономики». Звериный оскал сверхпотребления проявляется повсюду, головы людей абсолютно свободны от мыслей о будущем родной планеты, не таком уж далёком. Современный ритм жизни настолько быстр, что времени задаться подобными вопросами просто нет. От навязчивых экологов корпорации отделяются уплатой налогов на отходы, даже не думая при этом снижать темпы их выбросов, просто записывая ещё одну статью в издержки производства, что ведёт, кстати, к росту цен, но не к снижению темпов потребления. Поэтому богатые становятся ещё богаче, а бедные ещё беднее и истощённые в попытках заработать деньги на поддержание своего текущего уровня потребления (очевидно, что если человек всю жизнь получал сто долларов в месяц и спокойно на них жил, потом получил прибавку до двухсот, а потом её опять потерял, то он уже не сможет жить на сто долларов как прежде и будет мечтать вернуться к уровню двухсот долларов). Население развитых стран мечтает потреблять больше, население остальных стран мечтает приобщиться: Европа им и видится эдаким современным раем, хотя по inferнальному искусственному свету современных городов резонно говорить скорее об аде.

Но нельзя считать, что всё уже потеряно. Если жизнь большинства определяется низменными инстинктами, на которых заигрывают производители, то есть меньшинство, которое по-прежнему на первое место ставит духовное начало, примат сакрального. Это заставляет отказываться от идеи прогресса, которую можно понимать, как «нужно двигаться дальше во что бы то ни стало, ведь дальше будет лучше». Современные технологии не решают проблему непомерного уничтожения природных ресурсов, они её как бы скрывают. Поэтому Бенуа пишет, что парадоксально, но потребление бумаги только выросло со времен массовых внедрений компьютеров. Люди должны начать смотреть назад, а не двигаться вперёд, пусть и к прекращению роста. Если рост сегодня является фундирующим фактором цивилизации и не останавливаемым, то нужно противиться этому по мере душевных сил. Замереть спокойно, ощущать пока ещё существующую природу, ориентироваться на высшие ценности. Конечно, это путь одиночек, и он капля в море современности. Но страшно даже представить, что когда-нибудь симуляционное современное вытеснит подлинное древнее, и все превратятся в журналистов из ситуации с умирающим больным, описанной Ортегой-и-Гассетом. Сегодня умирает природа, а вместе с ней и подлинная духовность.

Философия Каарло Пентти Линколы

Выдающимся философом примитивизма, живущим в наше время, является финский мыслитель Каарло Пентти Линкола. Взгляды Линколы во многом совпадают с Доктриной Радикального Примитивизма, но стоит признать, что знакомство с его теорией произошло гораздо позже первых публикаций идей радикал-примитивизма и в некоторых аспектах мы являемся более жесткой идеологией.

Ниже приводим полный текст статьи о Линколе:

«Каарло Пентти Линкола – знаменитый финский радикальный энвайроменталист, которого порой обвиняют в экофашизме. Будучи популярен в Финляндии и широко известен за рубежом, прославился своими работами в области защиты окружающей среды, где в ее разрушении обвиняет как человечество в целом, так и отдельные человеческие сообщества. Являясь мизантропом, Линкола внес существенный вклад в развитие идей деиндустриализации, предлагая использовать геноцид для контроля над количеством и качеством человеческой популяции в целях сохранения природного баланса и спасения Земли от человеческой экспансии, уничтожающей как природу в целом, так и отдельные биологические виды. Его идеалом общества является управляемая немногочисленной образованной элитой тоталитарная диктатура, где основная масса населения живет по стандартам Средних Веков и где потребление ограничено использованием только возобновляемых ресурсов.

Родился 7 декабря 1932 года в Хельсинки, но уже в детстве проводил много времени за городом, в поместье матери. Его отец, Каарло Линкола, был ректором Хельсинкского университета, а дед по материнской линии, Хуго Суолахти, работал канцлером того же университета. После первого курса Пентти Линкола ушел с зоологического и ботанического факультетов университета, решив, что станет свободным исследователем природы. В последующие за этим решением годы он совместно с О. Хилденом написал *Suuri lintukirja* («Большую книгу птиц») (1955).

Первой политической публикацией Линколы стал памфлет «За Родину и человеческий род» (*Isänmaan ja ihmisen puolesta*) (1960), в котором он решительно выступал за пацифизм и поддерживал отказ от военной службы по политическим или религиозным убеждениям. В то время у него было много друзей, но он страдал от депрессии.

В сборнике эссе *Unelmat paremmasta maailmasta* («Мечты о лучшем мире») (1971) он впервые откровенно высказался относительно своих экологических воззрений. С тех пор он продолжал выступать против современного западного образа жизни и перерасхода природных ресурсов, чему посвящены и его последние книги *Johdatus 1990-luvun ajatteluun* («Введение в мышление 90-х») (1989) и *Voisiko elämä voittaa* («Может ли жизнь выиграть») (2004), представляющие собой сборники его статей, опубликованных в различных финских газетах и журналах. В Финляндии все книги Линколы – бестселлеры.

Линкола известен своей искренней любовью к птицам. В своих произведениях Линкола восхищается как финским лесом, так и природой в целом. Тем не менее, он выступает за уничтожение кошек, песцов и некоторых других видов в Финляндии, которые он считает чуждыми и разрушающими финскую природу.

Линкола - атеист, однако он считает, что религиозность во многих аспектах полезна для существования общества. В политической жизни по некоторым вопросам придерживается право-консервативных взглядов.

Как философа, Линколу можно охарактеризовать в качестве биоцентрического эмпириста. Он считает, что человек должен занимать гораздо меньшую экологическую нишу, чем занимает в настоящее время, и отказаться от современной технологии и погони за экономическим прогрессом. А также предлагает стереть большие города с лица Земли с помощью атомного оружия. Иногда, однако, он говорит, что энвайроменталистское общество должно иметь развитую военную технологию для того, чтобы защищать себя от завоеваний не-энвайроменталистскими обществами. Линкола считает перенаселение самой большой угрозой для жизни на Земле, средства для регуляции роста народонаселения он видит в широком применении достижений евгеники и распространении геноцида. В своих работах Линкола описывает человеческий род (*homo destructivus*) как раковую опухоль на теле природы. Когда где-то в мире начинаются локальные войны, он часто выступает в средствах массовой информации с заявлениями, что война является благом, поскольку способствует уменьшению населения воюющих стран.

В течение многих лет оппоненты обвиняют Линколу в экофашизме, а в последнее время он провоцирует многочисленные споры своим явным восхищением нацистской Германией.

Пентти Линкола часто сталкивается с активным противодействием распространению его критических взглядов по отношению к западному обществу изобилия - как со стороны различных политических организаций, так и частных лиц. Но многочисленные последователи считают его гуру, во многом благодаря тому, что он живет так, как сам учит. Он живет на берегу озера, в его доме нет водопровода, он не пользуется автомобилем. Многие годы он зарабатывает на жизнь рыбалкой на весельной лодке, а рыбу продает соседям, развозя ее покупателям верхом на лошади. В настоящее время, несмотря на то, что он давно вышел на пенсию, Линкола продолжает заниматься подледным ловом».

Человеческий паводок

Из книги «Культура времен Апокалипсиса». / Под ред. А. Парфрея; [Пер. с англ. А. Ведюшкина и др.]. 2004.

Финский философ Пенти Линкола, живущий аскетичной жизнью рыбака в отдаленном малонаселенном регионе своей холодной страны, осмеливается произнести неприемлемое. Для того чтобы планета смогла продолжить свое существование, человек — или *homo destructivus* (человек разрушительный), как нарекает его Линкола, — должен истребляться вплоть до достижения им крохотной части его былой популяции. Свое утверждение Линкола подкрепляет следующей метафорой:

Что делать, если судно, несущее на борту сотню пассажиров, неожиданно опрокидывается, а спустить на воду успели лишь одну спасательную шлюпку, места в которой хватает лишь для десяти? Когда лодка заполнится, те, кто ненавидят жизнь, будут пытаться загрузить ее еще больше и, таким образом, утопят большинство. Те же, кто любит жизнь и почитает ее, возьмут корабельный топор и начнут обрубать руки, цепляющиеся за борта шлюпки.

С течением времени предсказания и обвинения Линколы становятся все более ужасными. Он пришел к осознанию того, что экстремальные ситуации требуют экстремальных решений: «У нас еще есть шанс стать жестокими. Но если сегодня мы его упустим, все будет потеряно». Заклятый враг светских гуманистов, Линкола знает, что Землю не спасут те, кто превозносит «нежность, любовь и венки из одуванчиков». Знает он и то, что ни развитые, ни недоразвитые популяции не заслуживают

выживания за счет биосферы в целом. Линкола ратует за то, чтобы вся помощь странам третьего мира была прекращена, а беженцам перестали предоставлять убежище. Таким образом, миллионы умрут от голода или будут вскоре убиты в несущих геноцид гражданских войнах. Для женщин, имеющих более двух детей, должны быть введены обязательные аборт. Единственными странами, способными инициировать подобные драконовские меры, являются страны Запада, хотя, как это ни парадоксально, именно они в наибольшей степени изувечены подрывными идеями либерального гуманизма.

Как пишет Линкола, «США олицетворяет худшую из мировых идеологий — идеологию роста и свободы». Единственным реалистичным решением является ввод экофашистского режима, при котором жестокие батальоны «зеленой полиции», состоящие из тех, кто освободил свое сознание от «этического сиропа», предпримут то, что необходимо предпринять.

В Финляндии книги Линколы — бестселлеры. Очевидно, что остальной мир не способен переварить предложенное им лекарство, что подтвердилось после того, как в Wall Street Journal в 1995 году вышла статья, посвященная Линколе. От христиан подставь_другую_щеку, любящих матерей и прочих благодетелей в редакцию пришли сотни писем, наполненных ненавистью и негодованием. Один из читателей заявил, что «истинные поборники сокращения населения должны подать всем пример, начав его с самих себя». Ответ Линколы оказался более разумен: «Если бы существовала такая кнопка, нажав которую я пожертвовал бы собой, унеся миллионы жизней, *я бы сделал это не раздумывая*».

Нижеследующее — первый серьезный текст Линколы, переведенный на английский. Это глава из его книги 1989 года «Johdatus 1990 — luvun ajatteluun».

«Что есть человек? «О, кто ты, человеке?» — вопрошали поэты былых времен. Человек может быть определен произвольным количеством способов, но если мы хотим выразить самую главную его характеристику, мы можем сказать всего два слова: слишком много. Меня слишком много, вас слишком много. Нас пять миллиардов — абсурдное, ошеломительное число. И оно продолжает увеличиваться... С учетом пищевых требований и производимых отходов, биосфера Земли способна поддерживать популяцию пяти миллионов крупных млекопитающих нашего размера таким образом, чтобы они существовали в собственной экологической

нише как один из множества видов — без посягательства на изобилие прочих форм жизни.

Есть ли смысл в таком количестве, приносит ли оно какую_то пользу? Что за важнейший вклад вносят в мир сотни человеческих обществ, не отличимых друг от друга?.. А сотни идентичных сообществ внутри этих обществ?.. Неужели есть смысл в том, что в каждом маленьком финском городке можно наблюдать один и тот же набор мастерских и магазинов, одинаковые мужские хоры и муниципальные театры? И все они отягощают землю своими фундаментами и асфальтом улиц. Будет ли нанесен биосфере — или даже самому человечеству — урон, если область Аанекоски исчезнет с лица Земли, а на ее месте будет беспорядочная и многообразная мозаика естественного ландшафта, где будут обитать тысячи видов и чьи склоны, покрытые девственным лесом, будут отражаться в мерцающей поверхности озера Кумоярви? А станет ли это действительно потерей, если с карты исчезнет кучка городов — Иливьеска, Куусамо, Лахти, Дюсбург, Ефремов, Глостер, — а место их займет дикая природа? А как насчет Бельгии?

Какую пользу приносит Иливьеска? Вопрос не слишком оригинальный, но существенный. И единственный ответ заключается, вероятно, не в том, что существование таких мест бессмысленно, а скорее в том, что смысл ему придают горожане, живущие в Иливьески. Я веду речь не только об удушении жизни, вызванном демографическим взрывом, не только о том, что жизнь и дыхательный ритм Земли умоляют о плодородных зеленых оазисах, крайне необходимых им повсюду, где только нет человека. Я говорю также о том, что, разрождаясь такими огромными, производящими отбросы толпами, человечество душист и позорит собственную культуру — личностям и сообществам приходится судорожно искать «смысл жизни» и самоутверждаться через мелкие, детские споры.

Я провел одно лето, путешествуя по Польше на велосипеде. Это очаровательная страна, в ней за каждым углом оказываются маленькие католические дети, милые, словно бутоны, и почти целиком одетые в шелк. В туристической брошюре я прочитал, что в Польше был самый высокий процент населения, погибшего на Второй Мировой войне, — если меня не подводит память, около шести миллионов человек. Из другой части брошюры я узнал, что рост населения за сорок послевоенных лет перекрыл потери в три раза... В свое следующее путешествие я отправился в Дрезден — город, наибольшим образом пострадавший от бомбардировок. Он был ужасающ в своем уродстве и грязи, переполненный до точки удушья — наполненная смогом, разлагающаяся

дыра, первое впечатление от которой породило мысль, что еще одна вакцинация с неба ничуть не помешает. Кому не хватает всех тех, кто погиб во Второй Мировой? Кому не хватает двадцати миллионов, репрессированных Сталиным? Кому не хватает шести миллионов евреев, уничтоженных Гитлером? Израиль трещит по швам от перенаселения; в Малой Азии перенаселенность порождает стычки из-за жалких квадратных метров грязи. Города по всему миру были отстроены снова и заполнены до краев людьми давным-давно, их церкви и памятники были восстановлены, чтобы кислотному дождю было что проедать. Кому не хватает неиспользованного созидательного потенциала убитых во Второй Мировой? Недостает ли миру в данный момент еще одной сотни миллионов человек? У нас нехватка книг, песен, фильмов, фарфоровых собачек, ваз? Неужели одного миллиарда воплощений материнской любви и одного миллиарда милых седовласых старушек недостаточно?

Все виды обладают избыточной способностью к размножению, иначе они попросту вымирали бы во времена кризисов, которые могут быть вызваны целой чередой обстоятельств. В итоге размер популяции всегда контролируется голодом. Огромное множество видов обладает саморегулирующими механизмами контроля рождаемости, которые предотвращают постоянное пребывание в кризисных ситуациях и тяготы голода. Однако если у человека и есть такие механизмы, они слабы и неэффективны: например, в примитивных культурах практиковалось мелкомасштабное детоубийство. На протяжении всего своего эволюционного развития человечество противостояло голоду и все дальше отдаляло его черту. Человек оказался исключительно выдающимся в отношении размножения видом, к тому же, очевидно, подобным животному.

Человеческий вид приносит особенно большой приплод как в стесненных, бедственных условиях, так и в пределах самых процветающих сегментах популяции. Люди чрезмерно размножаются в мирные времена, а особенно обильно — в послевоенное время, чем обязаны причудливой директиве природы.

Можно сказать, что защитные методы человека бессильны в отношении способности голода контролировать рост популяции, но вот его наступательные методы, отодвигающие черту голода с пути расширения популяции, удивительно эффективны. Как вид, человек крайне экспансивен. История человечества позволяет нам быть свидетелями отчаянной схватки Природы с ошибкой ее собственной эволюции.

Старый и прежде действенный метод урезания популяций, голод начал все больше терять свою эффективность по мере того, как развивались технические возможности человека. Человек вырвался из своей ниши и принялся захватывать все больше и больше ресурсов, вытесняя прочие формы жизни. Затем Природа переоценила ситуацию, осознала, что проиграла первый раунд, и изменила стратегию. Она выставила оружие, которая не могла применить, пока враг был разбросан и малочислен, но теперь, при активно разрастающихся вражеских силах, ставшее много более эффективным. С помощью микробов — или «заразных болезней», как, выражаясь языком военной пропаганды, зовет их человек — Природа на протяжении двух тысяч лет упрямо сражалась с человечеством и одержала множество блистательных побед.

Но эти успехи оставались сугубо локальными и неотвратимо принимали характер военных действий в отступлении. Природа оказалась неспособна разбить эшелон человечества, на благо которого упорно трудились ученые и исследователи, и, в конце концов, они сумели ее разоружить.

Тогда Природа, не обладающая более оружием, с помощью которого смогла бы одержать победу, но крайне озлобленная и все еще сохраняющая чувство самоуважения, решила позволить человеку одержать Пиррову победу в самом полном значении этого выражения. На протяжении всей войны Природа поддерживала с врагом особую связь: они оба разделяли одни и те же источники припасов, они пили из одних родников, ели с одних полей. Несмотря на ход войны, имело место постоянное состояние скованности; хотя враг и не преуспел в завоевании ресурсов исключительно для себя, Природа также не имела возможности вырвать те же ресурсы из цепкой хватки человечества. Оставалась единственная возможность — политика выжженной земли, которую Природа уже опробовала в мелких масштабах в ходе ведения микробной фазы войны и которую она решила проводить до самого конца. Природа не признала поражение — она назвала его ничьей, хоть и ценой принесения себя в жертву. В конечном итоге, человек не был ее внешним, автономным врагом, а скорее ее собственной опухолью.

А судьба любой опухоли — умереть вместе с хозяином.

В случае человека, восседающего на вершине пищевой цепочки и при этом не обладающего способностью должным образом ограничивать рост собственной популяции, может оказаться, что спасение его вида лежит в склонности к убийству себе подобных.

Типично человеческий институт войны, подразумевающий массовое убийство братьев_гуманоидов, являл бы собой основу того самого

контроля за популяцией, если бы не был серьезно расстроен — ведь не существует ни одной человеческой культуры, в которой участие в войне принимали бы молодые женщины. Поэтому даже крупное уменьшение популяции в результате войны касается лишь мужчин и отражается лишь на текущем поколении. Уже следующее поколение вступает в полную силу, более того, согласно естественному закону демографического взрыва, разрастается даже больше, хотя все женщины и оплодотворяются благодаря гибкости очень небольшого количества мужчин. В действительности, эволюция войны хоть и была переменчивой, но в целом вела не туда: на ранних стадиях ее развития было больше войн, уносивших также умеренное количество гражданских. Но по причуде трагикомической судьбы человечества именно тогда, когда войны оказались способны уничтожать действительно значительные доли женщин, пригодных к деторождению, — как показали бомбардировки гражданского населения во Вторую Мировую Войну — военные технологии вышли на уровень, при котором подобные крупномасштабные войны, способные оказывать значительный демографический эффект, стали попросту невозможны».

Ориентации

Более подробно аспекты Доктрины Радикального Примитивизма будут раскрыты в серии суждений ниже.

О «radix» и «primitive»

«Радикальный Примитивизм» - что скрывается за этими словами?

В переводе с латинского «radix» означает «корень», то есть радикальный – значит коренной, фундаментальный. Коренные изменения – фундаментальные, глобальные, *принципиальные* изменения. Правда сегодня слово «радикальный» обладает негативными коннотациями, что неудивительно во времена «последних людей, которые моргают», как сказал Ницше.

Изменения, предлагаемые в доктрине Радикального Примитивизма, действительно можно охарактеризовать обыденным термином «радикальные» - т.е. фундаментальные и глобальные, а так же обладающие отпугивающими негативными коннотациями, с точки зрения масс, ординарных политических идеологий и субкультур, и с точки зрения законодательства. Но, помимо этого, существует ещё одно толкование «radix» в рамках доктрины – это обращение взора к корням традиционным, к Традиции (с большой буквы), приоритетно – к манифестационизму, отождествляемому с Золотым Веком.

Примитивизм, примитивность (англ. «primitive») – термин, означающий более простое устройство, более низкий уровень явления или вещи, относительно уровня того, кто выносит суждение. Иными словами, то, что на n-ное количество ступеней ниже говорящего.

Здесь стоит сделать важное пояснение, что в современном мире, начиная с эпохи Просвещения, прогресс (качественно-количественное развитие) объявляется *формой и смыслом* жизни человечества. Прогресс/развитие ставится в оппозицию регрессу/деградации, в науке это находит свое выражение в различных классификациях живых организмов от «простейших» к «высшим», т.е. обладающим более сложной структурой. Более, того данный принцип был распространен на человека и человеческие общества, где европейские колонизаторы всерьез ставили вопрос о принадлежности к «человеку» коренных народов новооткрытых континентов. Критериями были как то принятие либо отвержение христианства, а позже – уже секулярный, технологический подход. Иначе

говоря, голый абориген с примитивными орудиями труда отмечался как «недоразвитый» по отношению к европейцу, который был одет в кофтан и нес шпагу/ружье, мог читать и писать. В истории и философии, и других науках, это явление получило название «шовинизма», которым, согласно Н. Трубецкому, О. Шпенглеру, А. Дугину, больна вся Европа. Расизм, нацизм, фашизм, либерализм, «гносеологический расизм» - все это явления, проистекающие из того что европеец на подсознательном уровне считает себя центром и смыслом мира; история Европы = история мира, это явление носит свое название – «европоцентризм». Исходя из этого, строятся все классификации, от материальных не живых объектов, до человеческих обществ и идей.

Значит, что применяя самоназвание «примитивизм» мы тем самым расписываемся под теми оценочными суждениями я классом характеристик, которыми Европа в свое время наделила это понятие. То есть, мы культурно репрезентируем себя как «дикарей», хотя может кто-то и хочет быть свиньей под видом человека (Зерзан), но он может это делать уже и сегодня. Но дело в том, что прогресс – это не более чем система ценностей, присущая только, и только Европе (шире – западному миру).

Но, в XX веке выдающийся антрополог Клод Леви-Стросс в своих трудах встал против европоцентризма, утверждая что «примитивные» общества на самом деле *так же сложны*, как и развитые цивилизации, или иначе говоря – их сложность *иного рода*. И, как следствие, ни один народ не обязан следовать по пути ценностей Европы – по пути прогресса, качественного и, в первую очередь, количественного развития.

Очень точно эту фабулу выразил А. Дугин к своей книге «Этносоциология»: «Общество не развивается, оно *живет*».

Мы, радикал-примитивисты, говорим следующее: мы не хотим ни деградировать, ни развиваться. Мы хотим *Жить*.

Отсюда следует, что самоназвание доктрины Радикального Примитивизма, помимо обыденных значений, имеет свои главные смыслы, как то:

Radix – обращение к корням, к Традиции.

Примитивизм – не более, чем указательное, поясняющее для окружающих, слово, означающее позицию по отношению к благому прогрессивному; к мировым ценностям.

Более того, любое самоназвание есть плод рефлексии, самоидентификации, которая не была свойственна традиционным обществам в том виде, который мы знаем сейчас. Славянская община, племя готов, селение норманов – никто из них не называл, и не стал бы, называть себя

«примитивистамм», в силу отсутствия самих понятий «развитие», «прогресс», «регресс» и других. Не скажет такого и современный абориген Океании, или туземец в Африке.

Следовательно, все слова – не более чем утилитарный прах.

Рассуждения о природе Радикального Примитивизма

Первые идеи, которые можно назвать предтечами примитивистских концепций, хронологически появляются в Новое время, в Модерне. Это и идеология опрощения Льва Толстого, некоторые формы анархизма, первые коммуны и так далее. Так же, именно в модерне появляется мощное философское направление – Традиционализм, известный такими именами как: Рене Генон, Юлиус Эвола, Ананда Кумарасвами, Мирча Элиаде и другие. Иными словами, появление идеологий и направлений мысли, обращенных на *прошлое как позитивное*, на Золотой Век традиции, возможно только тогда, когда это Прошлое утрачивается окончательно. Но пространство примитивизма не является только модернистским (правый и левый примитивизмы), он так же содержит и постмодернистские концепции (эко-примитивизм). И доктрина Радикального Примитивизма в этом случае не исключение, в силу принципиального анти-модернизма и ориентации на Традицию.

Следовательно, исходя из тезиса доктрины Радикального Примитивизма, о внутреннем преодолении модернизма в себе, при сохранении физического существования в технократическом информационном мире модерна, возникает ситуация двух одновременных реальностей: окружающего модерна и внутреннего не-модерна. Налицо ситуация постмодернизма, в одновременном существовании двух принципиально различных парадигм. Следовательно, Радикальный Примитивизм находит себя в поле постмодернизма, но тут следует сделать уточнение, что осмысляемый с середины прошлого столетия постмодернизм на сегодня является проекцией либерализма и технократизма за свои пределы. Т.е. одна версия постмодернизма (западная) выдается за единственно возможную, с чем мы, радикальные примитивисты, согласиться не можем.

Не существует ни одной примитивистской организации, а так же известно отрицание примитивистами любых форм партийной борьбы, организации в движения и общественные организации. Кооперация

примитивистов может происходить исключительно на добровольных началах, не исключается выстраивание иерархии внутри образовавшейся группы – Радикальный Примитивизм не отрицает иерархических систем, как это делают анархисты, и не детерминируют иерархию расово-национальными биологизаторскими предрассудками националистов. Следует отметить, что находясь в оппозиции к модернистским формам организации и используя современные средства связи (Интернет), кооперация становится глобальной, но, тем не менее, объединяющей *отдельных личностей*. Иными словами, примитивисты понимают себя как *попутчиков*, а не как общину, стирающую индивидуального члена (но примитивизм так же не утверждает, что это плохо, просто на сегодняшний день – это *невозможно*).

Из всего вышесказанного следует, что Радикальный Примитивизм является скорее аксиологическим (ценностным) явлением и/или может быть классифицирован со стороны как политическая субкультура. Не стоит пугаться или избегать ярлыков *из вне*, ведь согласно доктрине Радикального Примитивизма, – главная война идет *внутри*.

Экономика Радикального Примитивизма

Радикальный Примитивизм отрицает обеспеченные чем-либо, а так же фиатные формы денег (деньги, обеспечиваемы только авторитетом государства, по сути – ничем).

Экономика Радикального Примитивизма опирается на принцип бартера – натурального товарообмена «нужное на нужное», на принцип дара – безвозмездного дарения, не подразумевающего обязательного встречного дара. Принцип дарения широко известен в примитивных обществах, равно как принцип обмена вещами и пищей. В современном мире принципы экономики дарения и бартера встроены в информационный обмен, бизнес-модели, на их основе строятся социальные теории, утверждающие, что акт дара способствует возникновению и укреплению социальных отношений и связей.

Нельзя не отметить интересные аксиомы, на которых базируется Зеленая экономика (так же являющаяся постмодернистской и антиглобалистской):

невозможно бесконечно расширять сферу влияния в ограниченном пространстве;

невозможно требовать удовлетворения бесконечно растущих потребностей в условиях ограниченности ресурсов;

все на поверхности Земли является взаимосвязанным.

Тезисы совпадают с критикой примитивистами идеологии потребления, эксплуатации земли и её ресурсов, и отрицания взаимосвязанности природных процессов (стоит отметить, что это скорее является модернистским эквивалентом языческого понимания Природы). Но в целом, кроме этого сходства, более плотных пересечений с доктриной Радикального Примитивизма нет.

Радикальный Примитивизм критично относится к товарным деньгам, т.е. введению третьей мерной величины для обмена «суммы товарных единиц на нужное».

Пример: обмен десятка голов овец на некое изделие, которое в ином случае можно было бы поменять «изделие на изделие» («товар на товар»).

Иными словами товарные деньги более аморфное понятие, «нужность» (польза) которых есть, но она отдалена в перспективе некоего будущего. Такая выдвинутая в завтра польза является предтечей накопления, унификации денежных единиц и является предпосылкой к накоплению капитала.

Радикальный Примитивизм не запрещает охоты, собирательства, умеренного сельского хозяйства, поддержания естественных мест произрастания растений, употребляемых в пищу (ср. некоторым принципам пермакультуры).

Критика символьной культуры

Согласно Джону Зерзану, неолитическая революция и возникновение символов и языка являются шагами к отчуждению человека от его Природы. Радикальный Примитивизм считает это утверждение абсурдным, и оставляет его на совести самого Зерзана и его версии примитивизма.

Но, помимо этого критика примитивизма обращается к тому факту, что умножение и упрощение, а так же массовое тиражирование, литературы, фильмов и т.п. артефактов культуры создают разрыв между реальным переживанием-опытом и опосредованным переживанием через текст или изображение. Т.е. исключаются те или иные чувства и непосредственность переживания, максимальное выражение этого отчуждения от реальности через символьную культуру мы видим в пост-пространстве – виртуальности.

Виртуальность есть следующий шаг отчуждения человек *еще дальше* от его истинной природы.

Для Радикал-Примитивиста является важным сохранение и ориентация на непосредственный личный опыт, но использование адекватной литературы и иных культурных артефактов так же может быть подспорьем в этом деле. И если раньше граница между массовым профанным искусством и элитарным была видна четко, сегодня такой границы-ориентира нет. Времен же, где профанного символа не было вовсе – вовсе не осталось.

Атеизм Зерзана

Джон Зерзан, американский философ-примитивист, социолог, одним из обязательных столпов своей версии примитивизма утверждает полный атеизм. В логике Зерзана это не является противоречием, ибо Зерзан видит человека скорее как биологический вид, социальное животное сродни обезьянам и муравьям, отрицая любое мессианство человека, будь оно религиозным или прогрессистским.

Радикальный Примитивизм наоборот, стоит на позиции приоритета Традиции, сакрального над профанным и материальным. Человек не есть животное, биологический вид, но так же не есть человек и только человек. Этот вопрос разобран в доктрине Радикального Примитивизма:

«3) Десекуляризация – закрытие идей атеизма, светскости, умаления роли божественного в жизни, ведущих к разложению человечества и стимулирующих НТП и «общественное развитие». Божественное проявлено во всём».

Мы считаем, что наиболее естественной для примитивизма религиозной формой является домонотеистические (докреационистские) формы религиозности: языческие культы, тотемизм, анимизм, шаманизм и т.п.

Многие мыслители возводят истоки современного кризиса человека к возникновению христианства и его деградации до морально-нравственных императивов в эпоху Возрождения и Просвещения. Религии креационизма единственные настаивают на глобальной унификации и объявляют тех, кто не является членом церкви – не совсем люди, ещё не людьми, давая мощный толчок развитию шовинизма и религиозной вражды.

Радикал-примитивизм не сосредотачивает свою деятельность на противодействии христианским, иудейским, мусульманским церквям, общинам и умам – они и без нас находятся в стадии глубокого упадка, но

деструктивную роль креационизма (максимально выраженного в христианстве) радикал-примитивист должен осознавать в полной мере.

Радикальный Примитивизм и защита животных

Радикальный Примитивизм выступает против бездумного истребления животных ради забавы и кормления неоправданно существующей массы человеческого населения на планете Земля. Примитивист берет от Природы не больше нужного, по возможности создавая органичные условия для восполнения потерь.

Известные же сегодня борцы за права животных – это дети, которые бесятся с жиру. Это – буржуазное течение в молодежных субкультурах и политических идеологиях, представители которых зачастую являются пресловутым «средним классом», реже – так называемым «креативным классом». Их борьба редко выходит за рамки продвижения законов о юридическом признании за животными равного статуса с человеком; уличных акций в защиту *лабораторных* и *домашних* животных (выведенных специальной селекцией и зачастую в естественных условиях обитания не способных к выживанию); иногда – к погромам и освобождению животных из лабораторий, зоопарков, цирков.

Как было сказано, такая борьба за права животных – дурная игрушка для недалеких детей, не имеющая ничего общего с пониманием истинной драмы Природы.

Проблема вегетарианства (веганства, фриганизма, меганизма и т.д.)

Человек волен употреблять в пищу то, что считает нужным и доктрина Радикального Примитивизма не накладывает ограничений на сознательный индивидуальный выбор рациона питания примитивиста.

Но, бичом вегетарианства и веганства является агрессивная политика навязывания своих взглядов всем, кто считает иначе, вплоть до проявления физической агрессии. С этим примитивизм согласиться не может.

Поэтому, вопросы рациона примитивиста регламентируются той традицией, представителем которой является примитивист (посты, халяльная/кошерная, чистая и нечистая пища, табу).

В этом свете, интерес представляет движение пост-веганизма, появившееся как реакция на критику крайних форм веганства.

«А. За годы своего существования вегетарианское движение Современного Мира приобрело множество противников. Особенно остро и актуально проблема конфликтов звучит сейчас.

Некоторые из доводов традиционных критиков вегетарианского движения:

Нехватка жизненно необходимых элементов в пище растительного происхождения

Эксплуатация живых существ, объектов природы, человека в ещё большем количестве, чем при производстве мясной продукции

Нападки, агрессия, навязывание своей точки зрения вегетарианцев-зоозащитников в сторону общественности

Неудачная попытка ухода от участия в потреблении животной пищи: употребление кофе, какао, зерновых, при аграрном производстве которых неизбежна гибель живых существ; и подобное.

Одомашнивание, которое усугубляет положение животных других видов в условиях цивилизации; при продолжении осуществления которого проблема не решается ни кастрацией, ни заточением животных в домах или питомниках

Слабость развитой индустриальной ветви обеспечения вегетарианского продовольствия

Отказ от борьбы с паразитами

Б. Вегетарианское движение за всю историю существования обращалось к историческому, этническому и духовному опыту человечества. К сожалению, сейчас наблюдается крен в сторону абстрагированности от проблем материальных, подмена одних этических ценностей на иные — слабо обоснованные.

Некоторые из причин критики духовного направления вегетарианского движения:

Отказ от признания научного авторитета; подмена его концепциями духовных учителей

Явно абсурдные этические идеи (отказ от грудного кормления, мотивированный слабой пользой молока; формы голодания, солнцеедения и иных диет, несущие очевидный вред здоровью)

Преувеличение каких-то определённых свойств продуктов, замена этими продуктами прочих в рационе

Попытки наделить человека свойствами, непресущими ему, как представителю вида либо при достижении определённого уровня духовного развития

Эксплуатация объектов природы, животных, используя мотивы духовного характера

В. Антропоморфные исследования этногрупп, ведущих примитивный образ жизни, показывают, что можно сохранять гармоничное сосуществование с окружающим миром, не соблюдая строгую вегетарианскую диету. Этическое восприятие не страдает, так как не происходит существенного воздействия губительного характера на живую природу. А насилие, убийство, падальщество являются составляющими частями дикой природы.

Альтернативные идеи традиционному вегетарианству, предлагаемые пост-веганством:

Неособирательство — возобновление традиции первобытных людей и изучение опыта современных примитивных сообществ, по употреблению в пищу дикорастущих растений, плодов.

Пермакультура — альтернатива сельскому хозяйству, агрикультуре, когда посадка, изменение в окружающей среде носит характер постоянства в обеспечении продуктами конкретных групп людей непосредственно. Ударение на количественное производство в короткие сроки не ставится, хотя при определённых обстоятельствах вполне достижимо

Городское огородничество, а также зелёное партизанство — выращивание полезных растений в черте города

Подбирательство (фриганизм, меганизм) — употребление в пищу продуктов животного происхождения, произведённых промышленно, но не ставящей целью их утилизации в пригодном для потребления виде. С отказом от производства животных продуктов, исчезнет как форма потребления. Не стоит путать, с кражей, когда убыток включён в стоимость продукта, а также с употреблением неэтичной пищи в качестве принимаемого дара, угощения, так как

это тоже является целью производства таких продуктов. Следует отметить, что такая форма потребления может негативно сказываться на здоровье.

Падальщество — употребление в пищу трупов животных, погибших естественной смертью либо не по вине потребителя. Следует отметить, что такая форма потребления может негативно сказываться на здоровье.

Охота непосредственно для удовлетворения потребностей, а не как вид спорта. Также следует выделить охоту с применением технологий (оружие, действия в группе, ловушек) и непосредственную охоту («на равных»).

Собирательство продуктов животного происхождения в дикой природе: яиц, мёда.

Употребление в пищу насекомых. Если не включать духовную составляющую, то с этической стороны поедание насекомых может быть вполне приемлемым, так как по некоторым данным они не испытывают боли, к тому же, человек биологически вполне способен к ловле насекомых без подручных средств».

Жирным выделены те места критики, с которыми особенно согласен Радикальный Примитивизм, альтернатива предложенная пост-веганством может быть вполне приемлема для Радикал-Примитивиста (с учетом его традиции, или без, если она не регламентирует пищу, либо отсутствует), за исключением пункта о меганизме и фриганизме.

На фриганизме и меганизме стоит остановиться отдельно.

Фриганизм - англ. freeganism от free — «свободный, бесплатный» и vegan — «веганизм» — стиль жизни, отрицающий принципы потребительства. Его приверженцы ограничивают свое участие в традиционной экономической жизни и стремятся к минимизации потребляемых ресурсов. В качестве источника продуктов питания и других материальных благ фриганы используют свалки, мусорные контейнеры и т. п. В отличие от бездомных и нищих, фриганы поступают так в знак нежелания быть частью экономической системы купли-продажи. В узком смысле фриганизм есть одна из форм антиглобализма.

Меганизм – тоже самое, но с употреблением выброшенного мяса и продуктов, запрещенных для веганов, при условии, что они пропадут, если их не употребить в скором времени. Иными словами, более мягкая версия фриганизма.

Ситуация с фриганизмом, и его популярность в анархистских кругах, схожа с ситуацией вокруг защиты прав животных – это развлечение молодежи среднего и креативного класса, порожденное ими же и не имеющее ничего общего с Радикальным Примитивизмом.

Эстетика примитивизма

В силу своей радикальности и масштаба поставленных задач, единственным наиболее реальным вариантом отката человечества к состоянию, более-менее удовлетворяющему картине радикал-примитивиста, является ситуация глобальной природной (включая космические), техногенной, военной (ядерной) катастрофы.

Картина разрушенных мегаполисов, мертвых городов, резкая депопуляция (вымирание) человечества, откат в технологиях местами до уровня каменного века, отсутствие электричества, пара, газа, бесконечного света огней и машин, потока людей – вот что радует глаз и разум примитивиста. Но, не стоит уравнивать идеи примитивизма с идеями движения выживальщиков (англ. survivalism), хотя эстетические вкусы между ними очень близки.

Ситуация пост-апокалипсиса (будем использовать этот термин для всех вышеназванных случаев) осложняется тем, что в наличии остается огромное количество артефактов человеческой культуры современного уровня развития. Что неизменно создает соблазн спасти то, что можно, реанимировать и использовать то, что уцелело. Частично такой подход может быть оправдан, если речь идет о том, что бы взять из подгоревшего магазина топор с лопатой и уйти в леса, оставив ошметки цивилизации догнивать свой век. Для радикал-примитивиста большее удовольствие доставит добывание и разрушение того, что уцелело; созерцание трупа ненавистного мира.

На сегодняшний день, массовая культура испытывает оживленный интерес к пост-апокалиптической и пост-человеческой (не путать с философским и антропологическим направлением постгуманизма) тематике, почти каждый год выходит по несколько фильмов, книг (например, книга американского писателя Дэна Брауна «Инферно» всецело посвящена проблеме населения земли) и компьютерных игр, посвященных «миру после нас», причем обыгрываются самые разные варианты уничтожения человечества, вплоть до самых абсурдных и фантастических. Не секрет, что под маской эстетически-привлекательной для примитивиста картины, Голливуд и другие не стесняются проводить своего рода пропаганду иных, противоположных идей и ценностей. Пропаганду, которую не так легко разглядеть. И не только пропаганду, например, после окончания Холодной Войны правительство США резко урезало финансирование NASA, так как космическая гонка и гонка вооружений была больше не актуальна. Как следствие, NASA вложило деньги в

производство Голливудом целого набора фильмов о космической угрозе, от инопланетян до «Армагеддона» Майкла Бэя, тем самым породив истерию в американском обществе. Под давлением общественности, конгресс вновь увеличил финансирование Национального Аэро-Космического Агенства, но уже под предлогом защиты от космических угроз. Так произошло пересечение манипуляции с массовым сознанием общества, путем использования фильмов массовой культуры, которые в свою очередь представляют эстетический интерес для примитивиста.

Из всего этого, можно повторить важный акцент из доктрины Радикального Примитивизма: «Сегодня наша задача – это стать обособленным человеком, не зависящим от окружающей нас реальности. Нам необходимо преодолеть в первую очередь *в себе* все то, что составляет и формирует гнетущую современность. Большая часть критики иных примитивистов состоит в том, что они наличествуют в интернете, живут в городах, когда «по логике», должны жить в глуши. Некоторые так и поступают, «исчезая из мира», если говорить языком обывателя. Мы – не они. Мы должны быть независимыми от используемой нами техники, акцентировать внимание на традиции, общению с Природой, освоению необходимых навыков для жизни в состоянии отсутствия современных технологий. Это формирует иной тип мышления и сознание, отличные от окружающего нас мира».

Так же, определенной долей эстетики обладают примитивные предметы труда, артефакты примитивной культуры и культовые артефакты, но в первую очередь следует функциональность и необходимость умению использовать вещь по назначению, а не делать её предметом фетиша. Иными словами: аутентичная архаическая посуда красива, но из нее надо есть, а не ставить на полочку ради удовлетворения своих глаз. В таком случае весь примитивистский запал становится не более чем игрой в «уйду жить в лесу, молиться колесу».

И, несомненно, верхом эстетического интереса для радикал-примитивиста является культура его народа согласно той традиции, которую он исповедует.

Криптоанархизм

В своей работе «Оседлать тигра» Эвола фактически обосновал невозможность достижения традиционного общества в современных условиях и, следовательно, аполитею, что фактически предлагает людям

Традиции искать опору в себе и в Боге, а не во внешних институтах общества, что подводит к выводу о необходимости общинной, а не партийной консолидации людей “выстоявших среди руин“, что в свою очередь сближает традиционалистов с анархистскими формами самоорганизации.

Но это отнюдь не единственный общий момент между анархистами и политической мыслью Эвола. Стоит обратиться к критике современного государства с обеих сторон. Эвола видит главную победу подрывных сил в победе третьего сословия и установления буржуазных государств, по Кропоткину государство собственно и завершает свое образование после победы буржуазии, когда как более ранние формы признаются им как сохраняющие черты до-государственного периода. Сам подход к пониманию истории у Кропоткина и Эвола весьма схож, оба видят историю как постепенную деградацию от Золотого века к нынешнему положению вещей, только первый идеалом считает примодариальный анархизм, а второй общество где правят брахманы. Оба рассматривают некоторые средневековые общества как положительные, такие как ремесленные гильдии, итальянские города-республики, катарские земли, Священную Римскую Империю (правда Кропоткин империю признает лишь с некоторыми оговорками).

Есть также общие моменты у Бакунина с Эволой, первый говорит том, что революционеры должны стать некими центрами анархистского общества так как являются наиболее свободными людьми, Эвола в “Людах и руинах” говорит о том, что лишь свободные могут править в обществе Традиции, в противном случае все скатывается в диктатуру (пример Гитлера в Германии).

Но анархисты делают ряд ошибок:

Отказ от сакрального. Лишь общество, ставящее свою опору на Всевышнего, может гармонично развиваться и приближаться к идеалу, даже тот же Кропоткин, давая примеры анархистских обществ в первую очередь указывал религиозные (духоборы в Южной Америке).

Отрицание иерархии. Это и привело анархистов сначала к ряду поражений от более организованных большевиков в России и фалангистов в Испании, которые эту и иерархию признавали, а потом к скатыванию в либеральную грязь с защитой гомосексуалистов и антибелым расизмом. Так как при отсутствии иерархии приходится считаться с мнением дегенератов и всячески терпеть их рядом собой.

Отрицание государства. Государство нужно для защиты духовной элиты и Знания, а также для того, чтобы вести общество от гедонизма, к

которому оно постоянно скатывается ввиду наличия у 90 % человечества лишь материальных интересов, к более возвышенным идеалам. Возможно, само такое отрицание есть лишь путаница таких понятий как буржуазные государства и государство как Imperium.

Какой же из этого можно сделать вывод? Традиционалистам не следует пытаться сделать синкретичного монстра анархо-традиционализма, но весьма полезно посмотреть в работах того же Кропоткина как организовывать децентрализованное общество (как это и было в той же Священной Римской Империи), артели, общины и т.п. общие моменты. Подойдет и сама методика анархистов с их упором на автономность и самоорганизацию. Но нужно ясно отдавать себе отчет, что цели у нас разные

Приговор

Говоря о сокращении населения планеты, встает вопрос: с кого начать? Кто умрет, а кто останется? Исходя из вышесказанного и ориентиров примитивизма, ответ становится очевидным – первым должен быть очищен Запад. Запад – это не строго географическое понятие, хотя в большей степени и локализованное в Европе и США, а скорее склад мышления и отношения к миру: атеистическое, либеральное, потребительское, ироничное-развлекательное и профанное. Судьба Европы и шире Запада – это десакрализация и прогресс, все кто разделяет такие установки, не должны жить.

Поэтому первыми должны умереть все, кто подвержен западному образу мышления и образу жизни: государственные элиты, креативные классы и культурные деятели, население Северной Америки, Европы, ряда азиатских и арабских стран. Европейца («человека» Запада) вообще не стоит считать Человеком, так как главный императив запада – это освобождение от всех форм идентичности: расовой, национальной, культурной, половой, биологической. Поэтому никаких моральных сомнений и колебаний в отношении европейца быть не должно; людей там нет.

Уничтожению подлежат все столицы мира, все туристические города и центры. Европу стоит выжечь и сровнять с землей вместе со всеми достижениями «культуры», ибо не стоит оплакивать ни «сокровища» Лувра, ни архитектуру. Никакого сожаления к «культурному» наследию, особенно к современному «искусству». Так как мы живем в глобальном

деградирующем мире, то каждая столица мира, курортные города и просто ведущие мегаполисы разных стран, по сути, ничем не отличаются, за исключением некоего национального колорита и расово-национального состава населения. Мышление, основанное на европоцентричном образовании, делает жителей этих городов практически одинаковыми «гражданами мира», особенно очевидно это среди молодежи – это вообще авангард унификации и глобализации, который можно рассматривать вне государственных и культурных границ.

Если в Европе от всей массы населения можно оставить некоторый, совсем малый, процент консервативного населения, то в странах Полинезии, Латинской Америки, дальнего востока, севера России и Азии до сих пор живут малые коренные народы и племена, которые сохранили свой традиционный уклад (либо минимально аффектированы Модерном) и ценности своей культуры. Эти народы наоборот, стоит сохранять.

Иными словами, на земле живет 7 миллиардов людей, миллиарды из которых поражены парадигмой Модерна и Постмодерна в своем сознании и живут в этой среде, следовательно, ради блага планеты и традиционных обществ, они не должны жить на этой земле. Конечно, во многих государствах есть небольшой процент традиционалистов, консерваторов и язычников, ценность жизни которых выше. Мы не будем устанавливать конечную цифру желаемого населения планеты, но предположим, что оно должно быть намного ниже одного миллиарда человек по всему земному шару. Следовательно, очищение человечества от модернистов должно быть пропорциональным в каждом конкретном народе, где еще есть сторонники традиционных ценностей. Следы урбанизма, прогресса, культурные артефакты должны быть без капли жалости уничтожены. Безосновательный пиетет перед Джакондой является показателем творческой импотенции современного человека.

А судьи кто?

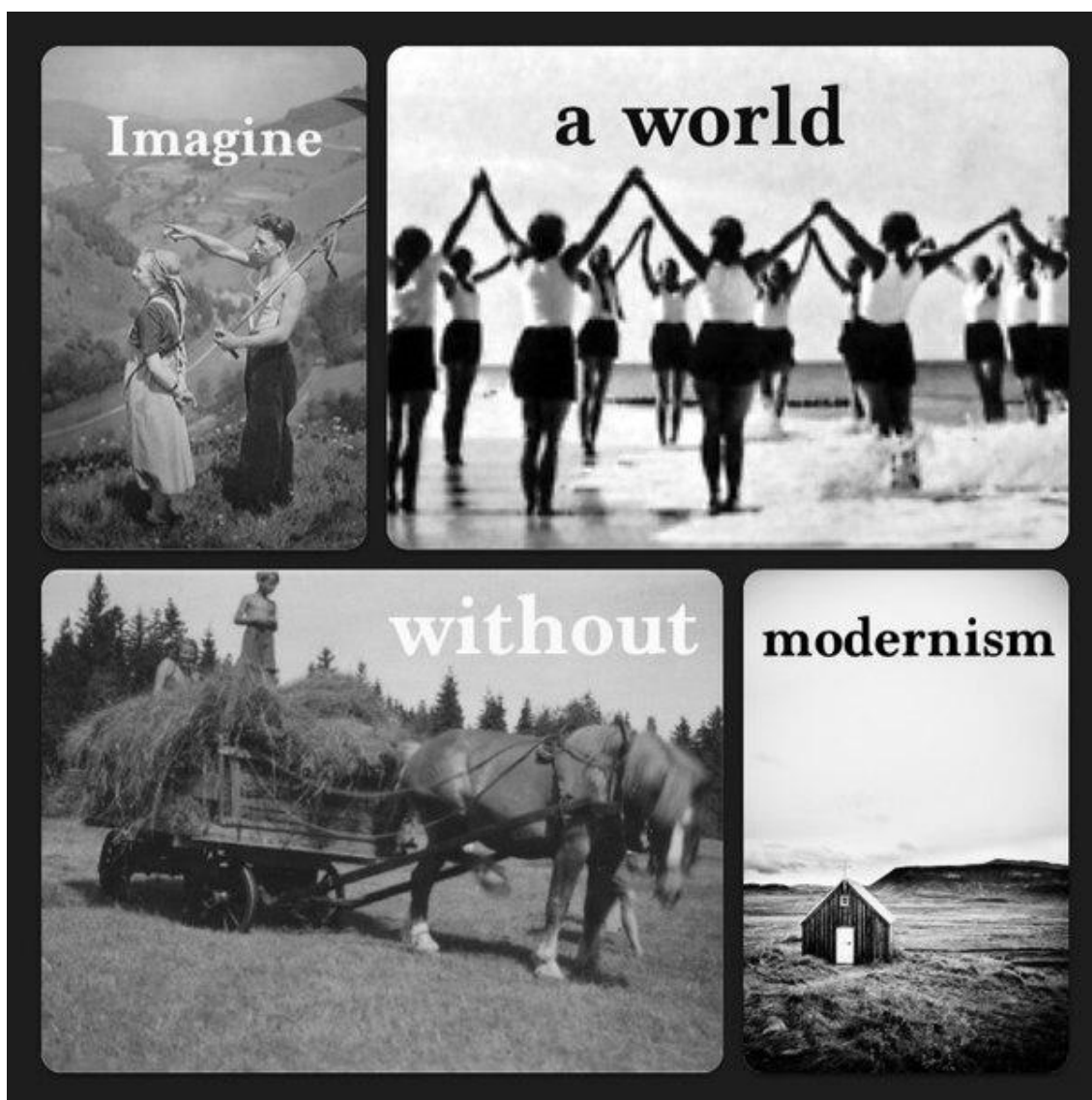
А судьи – каждый из нас.

Но если мы рассматриваем модернистское и постмодернистское население земли скорее как биомассу, как объекты, с которыми следует совершить манипуляцию по уничтожению, это не должно ставить нас на абстрагированное отношение к человечеству; нас не должен поразить пафос образа внешних судей человечества.

Каждый из нас должен держать в голове замечательные слова Каарло Линколы: «Если бы существовала такая кнопка, нажав которую я пожертвовал бы собой, унеся миллионы жизней, я бы сделал это не раздумывая».

И не просто держать эту максиму в голове, а жить с ней, понимать каждой частью тела и души, быть готовым к этому шагу ЗДЕСЬ И СЕЙЧАС.

Когда мы говорим о приговоре деградировавшему человечеству, когда мы говорим, что остаться должны только традиционалисты, коренные народы которые до сих пор живут в своих традициях, мы должны быть честными с той ответственностью, которую на себе берем. Конечно, это идеальные рассуждения и в жизни такой кнопки не существует (разве что ключ от ядерных ракет), но это не отменяет всей серьезности экзистенциального напряжения нашего бытия в этом, абсолютно грязном, профанном и деградировавшем мире.

Практические рекомендации

Примитивиста отличает от любых эко-активистов то, что он готов к действию. Нет, эко-активисты могут собрать народ, привлечь внимание к «проблемам», читать всякого рода лекции о том, что нужно, а что не нужно делать и так далее. Но они делают это как субкультура в рамках системы. В самом деле, что будет дальше, после того как все разойдутся по своим домам в мегаполисах? В лучшем случае кто-нибудь запомнит пару фактов о том, какие травы можно собирать в лесу. А скорее всего единственным воспоминанием будет: «как классно мы провели время, хорошая была тусовка».

В отличие от этого, действие примитивиста не может быть преходящим. Любое его действие меняет самого человека. Эко-движения человека не меняют, потому что не ставят перед собой такой цели. Привлечь внимание к проблеме и сделать решительные шаги по её устранению насколько это возможно – это две разные вещи. Далее мы будем говорить о тех действиях, которые в будущем помогут изменить само мировоззрение, мироуклад человека, хотя направлены они будут иной раз на самые его базовые потребности.

Ответить себе на вопрос «зачем оно мне?»

Это самое первое и далеко не последнее по значению из того, что каждый должен сделать. Ведь в любой момент все ваши усилия обретут неприятных привкус гнильцы, когда вы зададитесь этим вопросом. Если делать всё необдуманно, под веянием среды или литературы, как это делают многие авантюристы-романтики, то вы рано или поздно столкнётесь с вопросом целесообразности своего действия. Поэтому решить это надо заранее. Здесь может быть всё что угодно, ответ на этот вопрос сугубо индивидуален. Но если в вас уже поселились мысли о том, что вас что-то не устраивает в современной цивилизации, а выразить вы это конкретно пока не можете, то вам стоит перейти ко второму пункту, а именно:

Начать с малых практик автономного существования

Что под этим можно понимать? Это такие действия, которые выдёргивают вас из привычной городской среды. Главная цель – это хотя бы на время пожить вне сетки обслуживания. Вся жизнь в городах состоит в денежно-обслуживающих отношениях. Вы платите за коммунальные услуги – получаете комфортабельную крышу над головой, вы платите деньги в магазинах – получаете нужные и не очень товары, вы платите деньги разным людям – получаете от них услуги, которые вам нужны, а

чтобы платить – вы работаете на дядю (не нужно думать, что бизнесмены, работающие на себя, якобы более свободнее в этом плане: их связывает жажда наживы и привычка жить на широкую ногу). Прimitивистское действие заключается в попытке разорвать этот порочный круг обмена и отчуждения. В таком действии вы отвечаете за то, чтобы самостоятельно дожить до завтра. Вы проживаете свой день вместо того, чтобы вновь оказаться в ловушке непонятно куда потерянного дня. Какие это могут быть действия:

2.1) Пожить в лесу.

Это не значит, что вы должны уйти туда без всего и спать на голой земле, питаясь корешками. Так вы просто умрётё. Смысл в том, чтобы, во-первых, покинуть бетонную коробку и поспать на свежем воздухе. Конечно, лучше всего для этого подойдёт палатка. Во-вторых, вы получаете уникальную возможность выстроить свой день так, как вам захочется. Как, спросите вы, я и дома у себя могу это сделать. Но по своему опыту знаю, что мы склонны надолго зависать в душе, у компьютера, на диване, так и день незаметно пролетит. А в лесу вы постоянно в действии. Не развели костёр – останетесь без чая и горячего ужина, не поставили нормально палатку – будете ночью материться от шишек и сучьев под дном и так далее.

2.2) Овладеть навыками, помогающими жить в меньшей зависимости от цивилизации.

Мы думаем, что здесь не нужно ничего пояснять. Теоретических материалов существует на всех языках предостаточно. Стоит:

Научиться основам домостроения в любых условиях (как землянки или временного шалаша, так и в потенциале как в теории делать сруб для настоящего дома).

Изучить какие травы, ягоды и грибы растут в вашей географической зоне, так у вас летом будет возможность собирать ягоды и грибы в лесах для пропитания, а травы помогут вам в излечении болезней или ран.

Научиться ловить рыбу (насчёт охоты здесь опционально, мясо заменяется легко рыбой и соей; не верите – спросите у долгожителей с Окинавы) и разводить основные культуры (помидоры, морковь и т.д., хотя бы в теории как это делается).

Кроме того, необходимо иметь в виду опыт тех, кого мы называем бомжами. Вы никогда не задумывались о том, как эти люди выживают в городах, находясь практически вне этой сетки обслуживания? Конечно, они покупают себе хлеб и водку, но большее ведь вряд ли купишь на милостыню. А нужно ещё где-то спать, особенно зимой. Важно знать, где в

вашем городе находится **центр выдачи бесплатной еды**. В любом миллионнике такие места есть: это, как правило, церкви и около них, кришнаиты, центры помощи малоимущим, разные акции, типа «накорми 100 человек» и так далее. Далее, **в некоторых городах есть ночлежки** для бомжей. Это всё тоже нужно разузнать, но если что, вам будет, где упасть, хотя окружение вас вряд ли порадует. Нельзя забывать, что на худой конец переночевать можно в заброшенных зданиях, парках, скверах, вокзалах, на чердаках подъездов.

Конечно, выживание в городах – это намного более трудное и гиблое дело, чем выживание в дикой природе. Важно оставаться при этом человеком и пользоваться возможностями чётко осознавая, что вам это сейчас действительно необходимо, чтобы выжить.

Есть очень опасная грань, когда человек, увлечшись таким маргинальным образом жизни, постепенно скатится до уровня обычных бомжей и городских люмпенов, которые представляют собой просто паразитов. Чтобы этого не произошло, нужно каждый день вести над собой работу. Все действия должны быть подчинены духовному преобразованию. Ваша цель – это не остаться зависимым от города, только в другой немного форме, а как раз эту зависимость со временем попытаться минимизировать. Это можно называть опрощением, добровольной простотой (*voluntary simplicity*), попыткой стать скромным человеком (*plain people*) и так далее. Поэтому главное – это постепенность. Духовное развитие не может быть внезапным (даже сатори в дзен-буддизме предшествуют годы практики). Поэтому ваши действия не должны быть резкими, из крайности в крайность и подвластными эмоциям. Самое трудное всегда – это преодолеть себя. Хотя в этой фразе заключается подвох: никакого «себя» нет, есть лишь культурные структуры и пласты, под которыми вы напрочь погребены. Нужно как раз себя сначала вытащить на свет божий. А для этого нужно начать действовать.

Отдельно обратим внимание на такую важную черту человеческого мышления – фантазию, которая позволит тебе не умереть в лесу, и изрядно упростить себе жизнь в городской среде. Фантазию нередко называют одним из главных условий выживания в экстремальных ситуациях. Например, используя фантазию можно разглядеть в дешевом мобильном телефоне, который вы захватили с собой в лес, будущий нож-заточку из алюминиевого корпуса, широкий шкуроръемник из текстолитовой платы, лезвия из мелких экранов плат, лупу для розжига огня из экрана или мелкой оптики камеры и т.п. Тоже самое относится к любому найденному

в лесу мусору, свалке – все стоит замечать и отмечать местонахождение. В лесу у вас будет много времени для изучения местности и многочисленных ошибок и успехов в практике освоения строительства, добычи пищи, создания подручных средств быта.

В городе фантазия особенно полезна в сфере отношений с другими людьми: бомжами, полицией, «белыми воротничками», неформалами и т.п. Фантазия и наглость вранья прямо в лицо выручит вас во многих ситуациях. Общаясь с маргинальными кругами травите любые истории, свои или чужие, представляетесь разными именами, интересуйтесь жизнью собеседника. Только помните, что надо врать о том, что знаешь и в чем разбираешься, ориентируясь на собеседника.

О полиции приведем такой пример: с большей охотой вам поверят, что вы пьяный клерк или «приличный человек», если вы будете одеты в порванную или испачканную рубашку или брюки – мол, «с дня рождения шел, упал, уснул» – и вас, скорее всего, пошлют на все четыре стороны. Так и не узнав, что подвал, из которого вы вылезли, является вашим жилищем уже неделю.

Неформалы, играющие на гитарах, в переходах и на площадях – ваш источник информации. Представившись автостопщиком и «не местным» можете познакомиться с местной «тусовкой», на которой сможете найти себе ночлег, узнать полезные советы касательно города («что? где? когда?») и как в нем выживать с минимумом средств. Настоятельно рекомендуем не воровать на вписках – это гарантированный «волчий билет», по которому вас узнают во многих городах.

Касательно перемещения по стране на поездах. Для покупки билета в кассе вокзала не обязательно предъявлять оригинал паспорта, можно подать записанные на листе паспортные данные – полный набор – и оператор продаст вам билет. В вашем случае данные могут быть любыми, их не проверяют на кассе, что позволяет купить вам билет на любое имя. Далее, при посадке заходите либо не в своей вагон, и переходите через тамбур к своему. Либо заходите в свой в основном потоке спешно буркнув, что вы провожающий – проводнице будет не до вас при массе людей. Дойдя до места, оперативно разложите, переоденьтесь, сделайте скучающий вид. Когда поезд тронется, у вас так же не будут проверять паспорт (если вы сыграете роль должным образом), только оторвут корешок от билета. Т.е. проверка паспорта происходит только на посадке. С автобусным сообщением действует такая же схема. Можете разыгрывать сцену, что у вас украден паспорт и вы возвращаетесь домой, что вы его

забыли и «вот-вот при вас звонил, диктовали мне паспортные данные из дома, сейчас на машине привезут».

Главное – фантазия.

Отдельно отметим вопрос «компенсации». Компенсация – это акт, направленный на то, чтобы компенсировать ваши издержки при пользовании разными услугами. Иначе говоря: система требует от тебя тратить деньги, система обирает тебя процентами – нанеси ей урон, сопоставимый отобранному. Взяли комиссию в терминале? Замена стекла на экране будет стоить дороже, чем сумма процента. Воруй в магазинах, ТЦ, пользуйся бесплатно тем, за что требуют денег. Знай, где в городе есть колонки воды, уноси из туалетов ТЦ бумагу, мыло; из кафе – рюмки, посуду, соль, соусы; с кладбищ – еду, алкоголь, свечи; везде, где есть что взять – бери. Даже если не нужно себе, пойдет на бартер или продажу с лотка. На рынках продавцы-мигранты не редко могут угостить фруктом просто так, пользуйся. Но не стоит обворовывать и проявлять неуважение к рядовым людям и трудягам, они мало чем отличаются от тебя в общей ситуации современности. Наша цель – корпорации, компании, богачи.

Так же приведем наглядный пример крайней, неудачной формы бегства от мира, которая, по сути, является падением в маргиналию бомжевания, о которой говорилось выше. Отметим, что подобный образ жизни может быть подходящим для небольшой прослойки адептов радикальных йогических учений и отшельников веры.

«В иранской провинции Фарс можно увидеть 80-летнего мужчину, ведущего необычный образ жизни: он не моется на протяжении 60 лет, спит в могиле и ест гнилое мясо дикобраза.

Всем жителям небольшого иранского села известно, что 80-летний Гаджи (Наји) настолько ненавидит контакт с водой, что даже предложение принять ванну вызывает у него приступ агрессии, пишет журналист Oddity Central. Пожилой мужчина избегает не только гигиенических процедур, но и употребления свежей пищи и чистой питьевой воды. Его любимым блюдом является гнилое мясо дикобраза, а предпочтительным напитком - вода с пятнами прогорклого масла.

Однако, такая диета не означает, что Гаджи не следит за своим здоровьем. По его словам, он ежедневно выпивает 5 литров воды в медицинских целях.

И, хотя отшельник не расстается с дымящимся обрубок трубы, он курит вовсе не табак - привычные всем высушенные листья он заменил фекалиями животных.

Панически боящийся воды иранец предпочитает игнорировать парикмахеров и самостоятельно избавляется от отросших на подбородке волос при помощи пламени. Зимой, когда костер спасает от бороды, но не от холода, мужчина вынужден надевать старый военный шлем.

Такой образ жизни и игнорирование гигиенических процедур на протяжении 60 лет, отразились на внешности Гаджи не самым лучшим образом - его кожа покрылась слоями грязи и приобрела землистый цвет.

Примечательно, что иранец стремится быть как можно ближе к земле, и по этой причине живет в могильной яме. Иногда он спит в открытой лачуге, построенной местными жителями из жалости к чудаковатому старцу.

Иранцы, с нежностью называющие Гаджи “Аму”, говорят, что в юности он пережил тяжелое эмоциональное потрясение, которое оказало на него сильное воздействие. Правда, пожилой мужчина, гармонирующий с окружающим пейзажем, отнюдь не выглядит несчастным: он считает, что выбранный им образ жизни избавил его от болезней, которые неизбежно приносит чистота.

Поэтому мы ещё раз напоминаем, что действия примитивиста всегда должны иметь внутренний стержень духа, стремление к преодолению «человеческого, слишком человеческого» (Ницше) во всех аспектах современного мира.

Критический список литературы

Художественная:

- Д. Браун – Инферно
- Д. Лондон – Зов дикой природы
- Э. Лу – Допплер
- Г. Д. Торо – Уолден, или жизнь в лесу
- Е. Abbey – The Monkey Wrench Gang
- W. H. Davies – The Autobiography of a Super-Tramp
- J. Krakauer – Into The Wild

Теоретическая:

- Х. Бей – Хаос и анархия
- А. Де Бенуа – Вперед, к прекращению роста!
- Б. Блэк – Упразднение работы
- Д. Ванн, Х. Нейлор, Д. де Грааф – Потреблятьство. Болезнь, угрожающая миру
- Д. Даймонд – Агрокультура: главная ошибка в истории человечества
- Д. Зерзан – Агрокультура: демонический двигатель цивилизации
- Д. Зерзан – Закат эры машин
- Д. Зерзан – Прimitивный человек будущего
- Рене Генон – Кризис современного мира
- Т. Качински – Манифест Унабомбера: Индустриальное общество и его будущее
- Л. Мамфорд – Миф машины. Техника и развитие человечества
- А. Урсул – Неособирательство: путь в грядущее?
- Ф. Фавн – Природа как Спектакль: концепция дикого мира против дикости
- Ф. Фавн – Уничтожить цивилизацию?
- Юлиус Эвола – Люди и руины; Оседлать тигра
- J. Filiss – What is Primitivism?
- J. Filiss – Technocracy
- C. Glendinning – Technology, Trauma, and the Wild
- R. Heinberg – The Primitivist Critique of Civilization
- B. Joy – Why the Future Doesn't Need Us
- P. Linkola – Can Life Prevail?
- J. Zerzan – Age of Grief
- J. Zerzan – Running on Emptiness. The Failure of Symbolic Thought

А так же справочники, самоучители и методички по сбору трав, резьбе по дереву, вышиванию, рукоделию, ремеслам, оружейному делу и выживанию в лесу. Особенно военные и МЧС.

